

Илья Тамигин
Поймать и приспособить!

Полусказка

Илья Тамигин

Поймать и приспособить!
Полусказка

«Издательские решения»

Тамигин И.

Поймать и приспособить! Полусказка / И. Тамигин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964646-0

Легендарный Змей Горыныч жив! Иван Царевич и Серый Волк отправлены на его поиски. Им пытаются помешать иностранные шпионы и диверсанты, но советские контрразведчики не дремлют и борются со злобными происками. Полуволшебный мир, в котором происходит действие, поражает воображение. Валькирии, богатыри и партработники, скатерть-самобранка, вечный двигатель — всё это органично вплетено в ткань повествования. Читайте!PS: Про любовь тоже есть, а как же!

ISBN 978-5-44-964646-0

© Тамигин И.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Пролог	8
Часть первая: Дебют Ивана Царевича. 1964 год	12
Глава первая	12
Глава вторая	21
Глава третья	28
Глава четвертая	37
Глава пятая	44
Глава шестая	50
Глава седьмая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Поймать и приспособить! Полусказка

Илья Тамигин

Посвящается моей дочери Веронике, любящей сказки

«Следует обратить также особое внимание на правильное патриотическое воспитание кадров, особенно военных, ибо от них зависит обороноспособность нашей Родины»

Н. С. Хрущёв, из доклада на XXII съезде КПСС

© Илья Тамигин, 2019

ISBN 978-5-4496-4646-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора:

Все персонажи, географические названия, механизмы, магические устройства, волшебные животные, а также синий цвет являются вымыслом Автора. История и география искажены нарочно, чтобы легче было понять о чём речь. Если какой-нибудь дотошный Читатель обнаружит сходство кого угодно с кем попало, то пусть радуется, что ему повезло!

Введение

Магия... Что это такое, Читатель? Многие считают, что это способность совершения чудес специально обученным человеком. Автор позволит себе не согласиться с этим. Настоящее чудо – это нечто, произошедшее вне законов природы. Это магам не под силу. Примеры: сотворение Богом материального мира из ничего. Сотворение живого из неживого. Сотворение Разума. Все остальные непонятные и необъясненные явления чудесами не являются. Магия – это набор неортодоксальных приёмов воздействия на окружающую среду и людей. При этом используются известные и неизвестные законы природы, свойства материального мира, психики, а также искусство создания мыслеформы. Приемы эти копились и оттачивались веками и тысячелетиями, с помощью проб и ошибок.

Магия существовала уже в те давние времена, когда пещерные люди охотились на мамонтов. Шаманы продуцировали мыслеформу, представляя в мельчайших деталях события ближайшего будущего – и могучие животные устремлялись прямо в заранее вырытую и замаскированную ветками яму. Дальше – больше. Вызывание дождя, организация попутного ветра, повышение иммунитета к особо опасным инфекциям. Живая и Мёртвая Вода нынче в каждой аптеке продаётся по рецепту! Трансмутация металлов (золото из свинца) стала обычным делом, не получившим, впрочем, широкого применения, ибо золото моментально обесценилось. Зато дорогой алюминий из дешевого чугуна оказалось выгодно трансмутировать!

А бьюти-терапия! Помнишь, Читатель, волшебного коня Сивку-Бурку, Вещего Каурку? Научились люди таких коней разводить в количествах достаточных, чтобы дамы не стояли в очередях, ибо стать красивее хотели многие, если не все. Записалась дамочка на приём к конюху-косметологу, в одно ухо лошадке влезла в своём обычном виде, а из другого вылезла красавицей! Такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Даже без целлюлита! На несколько суток! Стоит эта магия недёшево, поэтому женщины опроцедурируются лишь по особым поводам: свадьба, юбилей, гости, поход в театр или на собеседование в поисках работы. Ну, а для первого свидания тем более!

К сожалению, ни на что другое эти кони не годятся: ни под седло, ни как тягло, потому, что уши слишком большие.

Научились разводить также Пегасов – крылатых лошадок. В России их традиционно называют Коньками-Горбунками. Отличное транспортное средство! Скорость до пятидесяти километров в час, потолок – триста метров, максимальная дальность – до трёхсот-четырёхсот км. Используются военными, спецслужбами и почтальонами в труднодоступных районах. Частным лицам их не продают никогда и нигде.

Ну, и прочие, полезные и нужные в хозяйстве приборы человечество освоило: Серебряное Блюдечко, Ковёр-самолёт, Скатерть Самобранку. И не просто освоило, а научилось запускать в массовое производство, хотя и малыми сериями! Серебряное Блюдечко успешно заменило телефон, радио и телевидение, Скатерть Самобранка отчасти решила проблему домашнего питания, сильно разгрузив домохозяек. А уж об одиноких людях и говорить нечего! Ковры-Самолёты, к сожалению, оказались сильно дороги в производстве и широкого применения в народном хозяйстве не получили. А, вот, в армии, в смысле, в авиации, летательные аппараты на основе Ковров-Самолётов имелись в изобилии: транспортники, бомбардировщики, разведчики, истребители. Их скорость (от двадцати до сорока километров в час), конечно, оставляла желать лучшего, да и дальность тоже: так, сотня километров без магической подзарядки. Ну, две сотни, если без груза. И потолок не более сотни метров...

Применялась магия и в других областях народного хозяйства, а также в науке, технике и искусстве. Магов, тем не менее, было не так уж много – не у каждого человека есть нужные

способности, да и учиться долго: в Университете десять лет и ещё пять лет в интернатуре. Так что магов не хватало и многим приходилось работать аж на две ставки.

Однако массовое применение магии имело и множество побочных эффектов. На планете не стало электричества и магнетизма! И то, и другое пропало ещё во времена последнего ледникового периода. Не иначе, как на магию эти явления природы испотребились.

Пытались учёные съезжать по эбонитовой палочке в шелковых трусиках, применяли и правило буравчика, и судили по закону Ома... Никак не получалось электричество! Даже жалкая искра ни разу не проскочила!

Физическая химия тоже изменилась: порох, например, не взрывался, равно как и нитроглицерин и прочая взрывчатка, хотя, согласно всем теоретическим расчётам, должен был! Нефть не горела, хотя и послушно разлагалась на фракции. Газ тоже не горел. И спирт не горел! Так что двигатель внутреннего сгорания люди изобретать не стали. За невозможностью. Паровую машину, впрочем, изобрести пытались, но пар при сжатии (или сжимании, неважно) необъяснимым образом превращался в лёд!

Да и сама планета претерпела изменения: непроходимые ледяные горы Антарктиды распространились на значительную часть кончика Южной Америки, уничтожив Магелланов Проллив. На севере ледники Гренландии намертво срослись с толстенными льдами Ледовитого океана – ни пройти, ни проехать! Гольфстрим, обогрев Гиперборейский полуостров, нырял под эти льды, а вытекал, почему-то, вдесятеро более могучей струёй между Сибирью и Аляской, напрочь смыв Чукотку. И пёр до самой Антарктиды, рождая над собой непреодолимую зону постоянных ураганов шириной в пятьсот километров. Таким образом, пересечь Тихий океан невозможно ни по воде, ни по воздуху, ни по льдам. Соответственно, невозможна и кругосветка, поэтому люди считают Землю диском.

Расклад сил на Земном Диске такой: самым значительным государством в Европе (и самым древним!) является Византийская Империя. На западе она граничит с Испанией, на востоке с Германией, на юго-востоке – с СССР. Также в состав Византийской Империи входит Египет и Карфаген. И Галлия, лишь недавно получившая автономию и сменившая название на Францию. Говорят в империи на латыни и по-гречески. Два, стало быть, государственных языка.

Британия, могучая островная империя, является давней соперницей Византии. Германский кайзер тоже мечтает отжать у базилевса территории и богатства. Короче говоря, все эти три империи стремятся к мировому господству! Но Советский Союз, страна рабочих и крестьян, своей миролюбивой политикой, подпертой Красной Армией, сдерживает их поползновения и посягательства.

Есть на Земном Диске и Америка, и Африка, и Азия, но влияния на геополитику эти континенты и страны, на них расположенные, в силу своей удалённости от центра не имеют. Разве что Китай, склоняющийся к союзу с СССР.

Вот так, кратенько, чтобы Читателю было легче понятно, Автор обрисовал Мир, в котором будет происходить описанные ниже события.

Пролог

В лето от Сотворения Мира 6659-е на день памяти великомученика Памфила (1 марта) город Пунез замер в недобром ожидании. Горожане затворились в своих избёнках, многие спрятались в погребках. Князь Изяслав, кряжистый муж лет сорока, стоял с малою дружиною на площадке надвратной башни. Дружинники (числом сорок шесть) тревожно поглядывали на небо, переминаясь с ноги на ногу. У всех за спиной имелись луки, собранные из турьих рогов. Такие только тренированным воинам натянуть по силам!

Время текло медленно, как мёд из горшка. Солнце давно уже встало и поднялось, как говорили в народе, на три дуба, а князь всё вглядывался в серое мартовское небо из-под длани, облачённой в кольчужную рукавицу. Наконец там появилась чёрная точка. Дружинники загомонили:

– Летит! Летит!

Без команды все натянули тетивы луков и наложили тяжёлые полуторааршинные стрелы. Одна такая пронизала зубра насквозь! Точка быстро увеличивалась в размере. Через две-сти ударов сердца князь уже мог разглядеть мерно машущие кожистые крылья. Ещё через столько же – уродливую харю Летучего Змея. Вскоре тот подлетел совсем близко и завис шагах в восьмидесяти от башни, выписывая восьмёрки. Крылья его были почти неподвижны. Парил, значит. Огромный, размах крыл аршин двенадцать.

– Готов ли, князь? – крикнул он громовым голосом, от которого шарахнулись кони на конюшне и залаяли-заскулили псы, – Нынче твой черёд! Подавай девицу-красавицу! Да чтоб ликом лепа, станом стройна, телом пышна!

– Не получишь ты ничего, Чудо-Юдо поганое! – слегка дрогнувшим голосом отвечивал князь, – Улетай по добру, по здорову, пока цел!

– Ну, смотри, Изя! – зарычал Змей так жутко, что даже камни со стены посыпались, – Не дашь – весь твой город огнём пожгу да попаляю!

И выпустил из пасти сноп пламени длиной аршина в три. Для устрашения.

Князь выхватил меч и махнул им в сторону гада. Это был сигнал к стрельбе! Дружинники разом выпустили стрелы. Расстояние для опытных стрелков было пустяковое, все стрелы попали в цель... и отскочили от чешуй шкуры!

– Зажигательными! – скомандовал князь, надеясь подпалить шкуру.

Новый поток стрел, обмотанных горячей паклей... И снова бесполезно, никакого вреда уроду!

Тот захохотал скверным хохотом, от которого волосы у князя зашевелились под шлемом, и рывкнул:

– Ну, всё! Иду на вы!

На стену взбежала князева дочь Береника, только зимой перешагнувшая из отрочества в деичество.

– Батюшка, родимый! Не надо! Не супротивничай! Пусть меня забирает, окаянный! Города-то жалко, люди погибнут!

– Как же я отдам своё кровное да любимое детище? – закручинился князь, – Может, посадскую какую?

– Нет! – прогромыхал Змей, – Мне эта любя!

– Стой, Береника! – хрипло взмолился Изяслав, но дева была далеко, в тридцати шагах, не задержать.

Красавица шагнула, остановилась на самом краешке стены. Ветер трепал её подол и опашень, норовил расплести косу. На миг стало тихо. А потом... потом княжна крикнула звонко, отчаянно:

– Прощай, батюшка родимый! Прощай, белый свет! Живот положиша за други своя!

Не колеблясь, закрыла очи, перекрестилась и бросилась со стены. Ловко подхватив её, сомлевшую, передними лапами на лету, чудище взмыло выше колокольни. До слуха донеслось:

– Передай князю Никите Китежскому: на другую весну его очередь! Тоже на Памфила!

Князь дрожащими руками снял шлем: он мешал вытереть слёзы, градом катящиеся из глаз. Старший дружинник покачал головой:

– Да ты седой весь, княже!

Рыцарь-храмовник, барон Леон де Воллэн де Монтескью, поправил плащ с вышитым крестом, пытаясь незаметно почесать спину. Не удалось, конечно, через доспехи. Столпившиеся за его спиной горожане Компьена негромко перешёптывались, поглядывая искоса на стоящую поодаль Жанну Верне, цветочницу, выбранную советом городских старшин в жертву дракону. В этом году Жанна оказалась самой красивой девой во всём арондисмане. В толпе шныряли торговцы лимонадом и пирожками, а также юркие личности, принимавшие пари на предстоящий бой. Толпа, предвкушая зрелище, бурлила и пузырилась азартом. Ставки были пять к одному за дракона.

Леон чувствовал себя уверенно. Изогнутый сарацинский меч был наточен до умопомрачительной остроты, рассекал плавающий в пруду волос. Боевое копьё с древком из упругого ясеня, обмотанное сыромятной бычьей шкурой, было надёжным: нипочём не сломается, хоть танцуй на нём. Но, главное – доспехи. Мастера-оружейники из Пуатье сделали их в точности похожими на железные, но, на самом деле, все детали были из Горного Льна (асбеста – прим. Автора), спрессованного и проклеенного, чтобы держать форму. Под доспехи Леон надел татарский ватный кафтан и ватные же штаны. Под шлемом с плюмажем и забралом тоже была баранья шапка и войлочная маска. Было жарко и потно, но рыцарь терпел.

Конь Джебраил был облачён соответствующим образом.

Ровно в полдень появился дракон. Толпа раздалась, шарахнувшись к краям площади.

Дракон, затрепетав крыльями, приземлился в двух туазах от Жанны. Та побледнела и закрыла глаза.

– О! Славную деву вы мне приготовили в этом году!

Он потянулся к девушке лапой.

– Attendez, dégoûtant lézard!* – воскликнул барон, поднимая копьё, – Ты получишь девушку, только если победишь меня!

* Подожди, омерзительный ящер! – франц.

– А, ещё один! Безумству храбрых поём мы песню! – саркастически прорычал дракон, распахивая крылья, – Ну, давай, сразимся!

– Я имею честь напасть на тебя! – выкрикнул формальный вызов на поединок Леон и, опустив копьё, поскакал на врага, стоящего на всех четырёх лапах в двадцати туазах.

Тот, легко увернувшись от копья, взлетел. Барон, сорвав аплодисменты зрителей, поднял коня на дыбы и крутанулся на месте. Почти касаясь правым крылом мостовой, дракон совершил крутой вираж и устремился на рыцаря, с расстояния двух туазов выпустив струю огня. Леон, не пытаясь уклониться, закрылся щитом и ударил монстра копьём в глаз. Попал! В следующий миг его объяло пламенем, но, как он и предвидел, не обожгло. Толпа, увидев кровь на морде ящера, взревела.

С душераздирающим визгом тот пролетел мимо, развернулся. На сей раз атака была проведена не в лоб, а с высоты! Снова сноп пламени! В последний миг барон отбросил копьё и рубанул мечом по передней лапе. Меч не подвёл: чешуя шкуры поддалась и снова выступила кровь. Лапа повисла, наполовину перерубленная. Оглушительный рёв! В толпе многие, особенно слабые духом, упали на землю.

Леон ликовал: его изобретение оправдало себя! Он выдержал два удара огнём, превративших бы обычного рыцаря в головёшку! Он дважды ранил ящера! Теперь бы ещё один глаз ему выбить, а уж тогда...

Дракон, взлетев повыше, замер на миг, а затем бросился на рыцаря, как коршун на цыплёнка, причём, слева, дабы избежать удара мечом. Он не стал пытаться поразить его огнём. Нет, он просто схватил Леона тремя лапами и вырвал из седла! Толпа ахнула. Монстр тяжело поднимался по спирали в безоблачное небо. Взлетев выше шпиля собора Святого Петра, он разжал когти, и бедняга рыцарь грянулся о булыжники площади. Под его головой расплылась лужа крови.

– Ну, вот и всё! – триумфально расхохотался дракон, подхватывая Жанну за талию передней лапой, – Больше желающих нету? Тогда – *au revoir!*

Он улетел, но обещал вернуться...

В придорожной корчме «Карп и Русалка» жарко и душно, несмотря на осень. Шум, гам и суета. Народу много, в основном торговцы и гуртовщики. Хохот, ругань, богохульства. Две собаки грызутся на полу за объедки. Чад от подгоревшей тухловатой рыбы душит воню. Свет почти не проникает сквозь слюдяные грязные оконца. За грубо сколоченным столом с оплывающей сальной свечой в деревянном подсвечнике несколько посетителей и хозяин Пишта, отведав челюсти, слушают Клауса, пражского студента-медика, остановившегося на ночлег по пути из Вроцлава. Параллельно рассказу он пьёт от пуза (за их счёт!) доброе пиво Богемии и закусывает свежими кнедниками.

– ... ну, значит, слышу третьего дня набат. Время раннее, только-только рассвело. Выхожу, а там... – он сделал долгий глоток из почётной оловянной кружки.

– Что? Что там? – нетерпеливо загомонили граждане Вроцлава.

– А там – дракон! За стрелку на башенных часах зацепился. Он в тот день должен был пани Бржихачкову забрать, бургомистрову дочь Ирму, значит. Ей жребий такой выпал, потому, что красивая. И девственница тоже. Дура, не догадалась попросить кого-нибудь, да хоть меня, войти в положение и помочь в женщину превратиться! Сразу от дракона и избавилась бы!

С сожалением вздохнув, Клаус отрезал себе жареной кровяной колбасы и с чавканьем принялся её пережёвывать. Все терпеливо ждали. Прожевав, студент продолжил:

– А дракон ночью прилетел, да на шпиль ратуши в темноте и напоролся! Одно крыло у него, значит, за шпиль проколото, а другое крыло, а, может и не крыло, а ляжка, за стрелку! Часы остановились, где механизму такую глупость повернуть, да и шпиль покосился... И орёт! Ой, слышали бы вы, добрые люди, как он орал!

– Как? – не замедлил жадно спросить Пишта.

– А вот так: ОГО-ГО, ВИНОГРАДНЫЙ ЖМЫХ!!! (выражение, эквивалентное русскому: «Ну, попал, шо песец!»)

От рёва дракона, мастерски имитированного студентом, слушатели потряслись и содрогнулись от ужаса и отвращения к сквернословью.

– А дальше-то, что? – жадно спросил Франтишек, торговец шерстью, придвигая Клаусу новую кружку.

Тот, не спеша, отпил, рыгнул и вытер усики рукавом:

– Дальше-то? Сбежались все, кто бегать мог, даже калеки безногие с паперти костёла, и давай в дракона камнями и дерьмом швыряться! Все булыжники из мостовой повыковыривали! Пан бургомистр и отец Алоизий посоветовались и послали дурачка Лешека с запиской к пану Бабичу, военному коменданту.

– А почему именно Лешека? – изумился портной Поспишил, – Ответственное же дело!

– А только он уйти с площади согласился от такого зрелища! За два крейцера. Дурачок же!

– За два крейцера и я бы сбежал... – пробормотал с другого конца стола хохол Данила. Допив очередную кружку, Клаус продолжил:

– Пан комендант прискакал и говорит: да сжечь эту погань, нахрен, вместе с ратушей, вот и вся недолга! Ну, мы и принялись дрова да хворост таскать! Даже корчму Лейбы Жадкевича раскатали по брёвнышку, хоть он и возражал. Ну, пришлось дать ему в ухо, чтоб под ногами не путался. К полудню до половины ратушу дровами завалили, дракон уж и трепыхаться перестал, так, скулил только. Отец Алоизий, как положено, отслужил молебен об изгнании бесов, а палач Гойда хворост поджёг!

– Гойда? Я ж его знаю! – радостно воскликнул Миртил, пивовар, – Мой троюродный брат Карл на его свояченице Кларе женился полгода назад! Хорошая семья, благочестивая и зажиточная!

– Ещё бы! Палач, мало того, что на твёрдом окладе у муниципалитета, ещё за каждую казнь от города по восемь талеров получает, а также все пожитки казнённого! – подхватил с завистью гуртовщик Якоб.

Все надолго заспорили о ремесле палача. Сошлись на том, что зарабатывает он не так уж и много, зато регулярно, а, стало быть, имеется возможность крейцер-другой откладывать. Клаус, тем временем, жадно глотал пиво и колбасу, стараясь выпить и съесть как можно больше, пока слушатели не опомнились.

– А чем кончилось-то? – в конце концов спохватился корчмарь.

– Сгорела наша ратуша, – понурился Клаус, раздувшийся, как удав, – Вместе с часами, которые, говорят, четыре тысячи талеров стоили. Не восстановить!

– А дракон? – поинтересовался кто-то, уже без особого интереса.

– И дракон сгорел. Такие от него искры летели, прямо, фейерверк на день тезоименитства государя-императора!

Часть первая: Дебют Ивана Царевича. 1964 год

Глава первая

Вот с чего всё началось, Читатель!

– Эх, Володя! – Никита Сергеевич зажевал салом выпитую водку и вытер рукавом вышитой рубахи заслезившийся глаз, – Жалко мне Россию-матушку! Пропадём, ведь, ни за грош!

– Почему так, Никита Сергеич? – настороженно спросил Восьмичастный, председатель КГБ СССР, и придержал руку с рюмкой.

– Да армия наша... Ведь, на месте топчемся уже двадцать лет! Новых вооружений нет, как нет! Да, богатыри, да, самоходки, да, десантники... А, вот, господства в воздухе нет!

Глава государства рабочих и крестьян выпил ещё рюмку.

– В давние времена был, говорят, Змей Горыныч. Никто супротив него выстоять не мог! Огнемёт летающий, а? Он тебе и штурмовик, и истребитель...

– Задача ясна, Никита Сергеич! Сделаем всё возможное!

Прошло некоторое время...

Зампредседателя КГБ СССР, генерал-лейтенант Ковалёв, строго взглянул на стоящего перед ним подполковника Семирядова, начальника отдела, занимавшегося сбором слухов, небылиц и антисоветчины. Очень часто эти явления были причудливо переплетены, и анализ их приносил ощутимую пользу.

– Излагай, – приказал генерал, – Только не рассусоливай!

– Есть не рассусоливать, товарищ генерал-лейтенант!

И Семирядов, не пользуясь записями, ибо обладал отличной памятью, начал:

– Анализ слухов за последние восемь месяцев по интересующей нас теме Змея Горыныча дал, к сожалению, один-единственный результат: десятого апреля сего года, в двадцать шестнадцать, в дортуаре второй роты третьего курса Ленинградского имени Василия Ивановича Чапаева ордена Боевого Красного Знамени Высшего Командного Стрелцкого Училища курсант Царевич перед отбоем рассказывал курсантам Васильченко, Перховскому, Рахимову и Цукерторту сказку, в которой упоминался Змей Горыныч...

– Так что ж ты молчал?! – взвился Ковалёв, как шилом в зад уколотый, – Семь... нет, восемь дней в носу ковырялся! Ты что, не знаешь, что дело на контроле у самого (тут он понизил голос) Никиты Сергеевича?

– Так, только четверть часа, как доложили, товарищ генерал-лейтенант... – покаянно повесил голову подполковник.

– Четверть часа, говоришь...

Генерал нахмурился, усиленно соображая, годится ли сия информация для доклада наверх. Решил, что годится. Вот, только...

– Почему у курсанта фамилия такая монархическая? Не из бывших ли он?

– Никак нет! Деревенский, и все предки тоже деревенские. Просто прадед его был прозван царевичем за красоту. Вот и перешло в фамилию. А до того ихняя фамилия была Штурм.

Ковалёв с облегчением перевёл дух. Конечно, курсант чист по анкете до седьмого колена, иначе и быть не может.

– Значища так, полковник, – (при этих словах Семирядов возликовал: очередное звание! Может, ещё и орден дадут? Боевое Красное Знамя в самый бы раз!) – Срочно свяжись с Ленинградом! Курсанта этого немедленно...

– Арестовать? – понимающе напрягся Семирядов.

– Какой, нахрен, «арестовать»? Себя, блин, арестуй, суток на десять! А Царевича доставить в Ленинградское Управление и расспросить! Деликатно!

– Есть!

И подполковник Семирядов дисциплинированно отправился отдать распоряжение о доставке курсанта Царевича куда надо, а потом – под арест, ибо приказы начальства не обсуждаются.

Иван переступил порог и пружинисто вскинул руку к козырьку фуражки:

– Товарищ генерал майор! Курсант Царевич по вашему приказанию...

Трое сидящих за столом с интересом воззрились на добра молодца пятью глазами.

– Вольно, курсант, – кивнул генерал Николаев, начальник Управления КГБ Ленинграда и области, – Присаживайся.

Иван присел на краешек стула, по-прежнему держа спину прямой. Штатский, тот, что помоложе, шепнул что-то на ухо штатскому постарше, одноглазому. Генерал не расслышал и недовольно фыркнул.

– Давайте для начала уточним ваши данные, товарищ курсант, – предложил молодой штатский, не представляясь, и открыл папку:

– Царевич Иван Иванович, год рождения 1943-й, место рождения – деревня Широкая Здеся, Карельская АССР, знак Зодиака – Близнецы, национальность... карел? – тут он запнулся и неуверенно посмотрел на старшего.

Тот слегка напрягся, соображая, потом кивнул:

– Нормально. Карелы, они совсем как русские.

И молодой продолжил:

– ... член ВЛКСМ, холост, владение иностранными языками: читает по-германски со словарём, по-варяжски говорит бегло, но грамоты не знает, магией не владеет, за границей не был... Отличник боевой и политической подготовки, – он замолк и поднял взгляд на Ивана, – Всё правильно?

– Так точно! – рявкнул Иван, выпучив по-уставному глаза и изображая стойку «смирно», хотя и продолжал сидеть.

– Что вы говорили вечером десятого апреля, в двадцать шестнадцать? – строго спросил одноглазый, также не представившись.

Иван растерялся:

– Десятого? Э-э... восемь дней назад?

– Да!

Иван поёрзал, припоминая:

– Ну... перед отбоем товарищам сказку рассказывал... про Змея Горыныча...

Все трое в ажитации подались вперед:

– Вот! С этого момента поподробнее!

– Что... сказку рассказывать? – осторожно уточнил Иван.

Генерал утвердительно взмахнул бровями.

И курсант начал:

– Пошел однажды мужик Емеля на Горелое болото, по клюкву. В том году клюква добрая уродилась, крупная, с лесной орех, да сладкая, как ананас заморский. Известно, коли лето доброе, на ведро щедрое, то и клюква родится сладкая, да спеет не враз, а помаленьку, волнами, как бы. Сходил, набрал короб, через неделю – опять сходил, ещё короб принёс.

И каждый раз спелые, ягоды-то! Из той клюквы вся деревня мёд варила, да такой забористый: чарочку выпьешь – и сразу во чреве тепло, а в очах сияние. Торговали тем мёдом и на базаре, и к чугунке выносили для проезжающих. Хорошо расходился! А однажды заехал в деревню один генерал поохотиться, так мёд ему так понравился, что велел он бочку ему в Санкт-Петербург присылать каждый год. И двести рублёв вперёд заплатил! Ассигнациями, правда. Но это так, к слову. Да, о Емеле: он в то лето уж восьмой раз по клюкву ходил, тайком от деревенских, ибо знал ягодницу заветную, самую, слышь, во всей округе обильную. Далёко, правда, иттить, с рассвету до полудня. Идет он, значит, идёт, да вдруг с ясного неба (а поутру ни единой тучки не усматривалось!) ливень хлынул! И такой, слышь, сердитый, враз и армяк, и рубаха, и порты промокли, хоть выжми! Онучи тож... И спрятаться-то негде, посередь болота! И перемены сухой с собой нету. А Септембрий-месяц в наших краях хоть на солнышко и щедр, да не жарок: известное дело, Север! Начал Емеля замерзать. Ну, не так, конечно, как зимой в пургу кум его Пимен замерз в ледышку, аж звенел потом в гробу, когда на погост несли, но зуб на зуб не попадает. Обогреться бы, костёр разжечь, да одёжу высушить! Онучи тож... Выбрался мужик на местечко посуше, костер сложил – и давай кремнем да огнивом стучать! Да только трут у него отсырел. Бился, долго бился – не может костёр разжечь! И, как назло, ни одной березки кругом, чтобы бересты надрать да растрепушить мелко, новый трут исделывать. А дело уж к вечеру, ещё час-другой – и ночь ляжет. Заплакал Емеля, жалко ему стало помирать студеною смертью. И воскликнул с надеждою:

– Кто б нибудь огня сейчас поднёс, я б тому отдал бы самое моё дорогое!

Ну, имел он в виду, конечно, не то, что вы подумали, а лошадь (две у него было), аль корову (тоже две), либо кубышку с полусотней целковых. Зажиточный мужик был Емеля.

И, надо же! Выползает на полянку чудище, Змей Горыныч!

– По добру ли, по здорову ли, добрый человек? – спрашивает, а из пасти-то у него струйка пламени лукается, а с ноздри – дымок вьётся.

Не сбобел Емеля, отвечает учтиво:

– По добру, да не совсем по здорову, Змей Горыныч. Обогреться хочу, да одёжу высушить. Онучи тож... А трут-то мой отсырел, никак костер не разожгу. Пособил бы, а?

Засмеялся Змей Горыныч:

– Это мы запросто! Только, как сулился, отдашь мне самое своё дорогое, когда завтра домой возвратишься. Сюда, на эту поляну доставишь.

И лапу, значит, протягивает. Плюнул Емеля себе на ладонь, пожал лапу. Змей Горыныч пламенем дыхнул – вмиг костёр разгорелся. Емеля только руки озябшие к огню протянул: глядь, а Горыныча-то уже нету! Ну, одёжу снял, вокруг костра развесил. Онучи тож. Высушил, оделся. Лапнику елового наломал, у костра постелил, зипуном укрылся – переночевал, значит. Утресь встал, болотной водицей умылся, грибов нажарил, позавтракал. Набрал клюквы полный короб – не зря же в такую даль чапал! К вечеру домой пришел. А там... все встречные бабы его поздравляют:

– С возвращением! Да с прибылью вас, Емельян Лукич! С доченькой-красавицей!

Обмер Емеля. Восемь лет они с Маланьей женаты были, детей не было, а тут, вдруг, ни с того, ни с сего – дочь за одну ночь! Побежал к себе в избу. Маланья его на пороге с дитём новорожденным встречает, кланяется:

– Здравствуйте, Емельян свет Лукич! С возвращением! Мы уж думали, вас по осени медведь задрал! Уж и в поминание вас записали, не прогневайтесь.

Глянул Емельян вокруг ошалело: лето в разгаре, не осень!

– Как же так? – спрашивает жену.

– Да как ушли вы по клюкву за десять дён до Рождества Пресвятыя Богородицы (11 сентября, прим. Автора), так и пропали.

– А нынче...

– А нынче у нас третий день Петров пост (7 июня, прим. Автора).

Как раз девять месяцев прошло! Непонятно... Только не стал Емеля непоняткой этой заморачиваться, ибо стукнуло ему в голову, что придется ему свою доченьку-кровинушку Змею Горынычу отдавать! Ясный перец, дитё нынче у него – самое дорогое! Заплакал Емеля...

На другой день, как девчущку окрестили, поплёлся опять на ту поляну. Крикнул несмело:

– Эй, Змей Горыныч! Тута я...

Выполз тот из кустов.

– Принёс ли самое дорогое?

Емеля на колени упал, рыдает:

– Смилуйся, Змей Горыныч! Не вели Настасьюшку тебе отдавать! Дай нам на неё с бабой моей порадоваться!

– Ладно, – смиловился Змей Горыныч, – Отсрочку тебе дам! Приведешь Настасью ко мне, когда заневестится! Но – смотри! Обманешь – всю вашу Широкую Здесю пожгу да попалю, а девку всё равно добуду! Понял ли правильно, запомнил ли хорошенько?

– Да понял я, понял...

Поклонился Емеля чудищу до земли – и давай бог ноги! А про себя думает:

«За шестнадцать зим мало ли, что случиться может! Или Змей помрёт, или я, или Настасья... куда-нибудь уедет...»

Только зря надеялся! Ни сам не помер, ни Змей Горыныч (видели люди, как он над деревней пролетал!), ни Настя никуда не уехала, но за шестнадцать зим выросла в красавицу неопишемую. Высокая, статная. Коса золотая до пяток в коленку толщиной, щёки румяные, брови соболями, стрелчатые, глаза большущие, синие-синие. Губы бантиком! Зубки ровные, жемчужные. И фигуристое всё при ней, где надобно – круглится, где надобно – топырится, как положено. Токмо талия слишком тонкая, пальцами обхватить. По весне аж семеро, в том числе двое из соседних деревень, свататься приезжали. Отказать пришлось всем семерым, хотя двоим, мельникову сыну Антипу и сыну стрелецкого старшины Потапу отказывать ой, как не хотелось! Добрые были женихи: и румяные, и дородные, и богатые!

Начался Петров пост. Покряхтел Емеля, покручинился, да делать нечего. Взял он Настю за руку и повел на Горелое болото, вроде, за клюквой. Удивилась девица:

– Какая ж нынче клюква, батя? Только-только поспевать начала! – но пошла, послушаться не посмела.

Привел её Емеля на заветную поляну. Звать Змея Горыныча не стал. Коли ему надобно, то пусть сам и озабочивается! Овёс за лошадьё не ходит! А может, он вообще, забыл? Велел девушке у костра сидеть, кашу варить. А сам ушёл, слезами заливаясь.

Настя заскучала маленько, песенку напевать принялась. Зашуршали кусты и Змей Горыныч тут как тут – на песню выполз:

– Здравствуй, девица-красавица Настя!

Обмерла Настя со страху. Змей уж и лапы к ней протянул, только вдруг слышит грозное:

– Нут-ко, лапы убрал!

Оглянулся: стоит рядом бабка древняя, в подкову согнутая. За плечами короб лубяной, в руке клюка.

– Ты почто, чудо-юдо, на красну девицу посягаешь?

– Не твоё дело, старая! Она мне обещана!

Удивилась бабка:

– Да на что она тебе?

– Не скажу! – уклонился Змей Горыныч, – Проваливай, не мешай!

Тут бабка клюкой Настю пристукнула, скороговоркой протараторила:

– Комаров тебе ловить, на болоте будешь жить, стань ни рыбой, ни змеюшкой, стань зеленою лягушкой!

И в тот же миг оборотилась девица лягушкой. Змей Горыныч аж зарычал от расстройства. А Настя-лягушка прыг – и в болото! Горыныч в болото не полез, уполз с досадой восвояси. А бабка и говорит:

– Не печалься, девица-красавица! Придёт день, поцелует тебя добрый молодец, витязь да красавец, и сбросишь ты лягушачью кожу да станешь красавицей пуще прежнего!

Иван замолк. Трое слушателей переглянулись. Генерал вопросительно приподнял левую бровь:

– И где ты эту сказку слышал, курсант?

– У себя в деревне, товарищ генерал-майор! Бабушка рассказывала.

Генерал подошел к карте и, обращаясь к штатским, веско произнёс, обведя указкой неровный круг:

– Я полагаю, что искать надо тут, приняв за точку отсчёта деревню Широкая Здеся!

– Совершенно с вами согласен, – отозвался старший штатский, – Только, судя по всему, встреча Змея Горыныча с мужиком состоялась, как минимум, век тому назад... Но попытаться можно.

– Да, другой информации всё равно нету, – вздохнул молодой штатский.

– Кого пошлём, Николай Николаич? – деловито постучал карандашом по столу одноглазый штатский, – Надо бы малую группу, для конспирации. Там же, в деревне, каждый новый человек интерес вызовет. Разговоры пойдут, кривотолки... А то и следить от усердия при- мутся, пограничная же зона! И вся операция насмарку!

Генерал думал недолго. Он устремил палец на Ивана и тот вскочил.

– Курсант Царевич! Партия и командование поручает тебе особо ответственное, секретное задание. Тайное, можно сказать. Поедешь завтра на родину, как бы в отпуск, и найдёшь гнездо Змея Горыныча! Ты местный, а значит, внимания не привлечёшь. Принесешь его яйцо. Срок – месяц. Операции присваиваю кодовое название «Яишница». Да, именно так, через «Ша»! Чтобы никто не догадался!

– Два яйца! – быстро вставил старший штатский.

– Ну, да, два... Из соображений секретности ты будешь работать один... почти. А то иностранные разведки быстро прочухают, если в твою глухомань целый полк послать.

Иван на «глухомань» обиделся, но промолчал, конечно. Широкая Здеся была деревней культурной: имелся и клуб, и магазин, и межрайонный ликероводочный заводик, выпускавший деликатесный клюквенный ликёр, и даже яхт-клуб на Онеге-озере! Правда, маленький, всего на три яхты. Стадион, усилиями энтузиастов построенный на старом выгоне. Футбольная команда, однажды выигравшая кубок области! Народные промыслы, а как же! Короба и игрушки из бересты, кокошники, лапти. А генерал: «глухомань»!

Начальство тем временем продолжало:

– Инструктаж у майора Круглого в тридцать третьем отделе, он же выдаст спецоборудование. Командировочные в бухгалтерии. Документы в канцелярии. Вопросы есть?

– Никак нет! – гаркнул Иван.

– Свободен.

Пройдя в другое крыло здания Управления, Иван остановился перед дверью с табличкой «33-й отдел». Часовой со скорострельной винтовкой (пневматической, с предварительной накачкой) проверил пропуск и с усилием отворил дверь, оказавшуюся бронированной. За дверью оказался довольно большой зал с множеством стеллажей, уставленных коробками с оборудованием. Близ входа сидел за верстаком и ветошкой чистил какую-то детальюшку жилистый дядька с погонами рядового на старенькой гимнастёрке.

– Ну? – не отрываясь от своего занятия, буркнул он.

– Мне... это... к майору Круглому... – промямлил наш курсант неуверенно.

– Ну, я – Круглый. А ты кто?

– Курсант второй роты третьего курса Ленинградского имени Василия Ивановича Чапаева ордена Боевого Красного Знамени Высшего Командного Стрелцкого Училища Царевич Иван! – на одном дыхании протараторил Иван и козырнул, слегка удивившись, что облик майора, замаскированного под рядового, совершенно не соответствовал фамилии.

Отдал казенную бумагу, полученную у генерала.

– А, стрелец, значит, – хмыкнул Круглый, вставая и вытирая замасленные руки, – А я из кавалеристов... Ну, пойдем. Возьми, вон, ранец.

Иван взял кожаный ортопедический (смоделированный по форме спины) ранец с удобными наплечными лямками и они двинулись вдоль стеллажей.

– Шапка-невидимка вязаная общевойсковая, одноразовая, три штуки, – положил в ранец первый свёрток майор, – Действует сорок секунд.

Затем последовали: компактный пистолет-пулемёт «Атас» (пневматический, с предварительной накачкой) калибра 12,5 мм, заряженный разрывными пулями, и насос к нему; булатный десантный нож; каска; обереги от пуль и огня; компактный бинокль с двадцатикратным приближением; складной контейнер-термос на десять литров, употребляемый медиками для транспортировки органов; специалитет с Живой и Мёртвой водой, антибиотиками широкого спектра действия, промедолом, универсальным допингом, позволявшим не спать трое суток и передвигаться по пересеченной местности бегом (тоже трое суток без остановки!) и микстурой для активации ночного зрения; спецпитание в виде неприглядного цвета кашицы, похожей на лягушачью икру (две ложки съел – и сыт целый день, пояснил майор), и камуфляжный водонепроницаемый костюм.

– Теперь слушай, – снова усевшись за верстак, начал майор, – Поедешь домой в отпуск, там начнёшь поиски по болотам. По расширяющейся спирали. Найдёшь гнездо Змея Горыныча, улучишь момент и заберёшь яйца. Погрузишь их в контейнер. Привезёшь. Всё!

Он вытащил из мятой пачки беломорину и закурил. Подумав, протянул пачку Ивану. Тот от такой гадости отказался.

– Да, чуть не забыл! – спохватился Круглый, – Напарником твоим будет товарищ Серый. Он встретит тебя на станции, назовет пароль. Вот пароль и отзыв, запоминай!

Иван, шевеля губами от усердия, прочитал и перечитал пароль, затем вернул листок майору. Тот положил бумагу в пепельницу и поднес спичку.

– Свободен, курсант!

Иван развернулся через левое плечо и пошел в бухгалтерию за деньгами и в канцелярию за проездными документами.

– Пойди туда – не знаю куда. Добудь то – не знаю что, – брюзгливо ворчал он себе под нос, – Может, и нету вовсе никакого Змея Горыныча?

В деревне об огнедышащем существе он разговоров никогда не слышал, кроме сказки, конечно. Но приказ обсуждению не подлежит! Придется целый месяц по болотам лазить...

Командующий разведкой Византийской Империи Тит Корнелиус Пиринейский оттянул пальцем тесноватый воротник кителя и украдкой кинул взгляд на напольные часы, выполненные в виде средневекового германского замка. Он ждал приёма уже полчаса, что было необычно. Секретарша базилевса, барабанившая по клавишам пишущей машинки, негромко пояснила:

– У базилевса советский посол, должен скоро выйти.

– Спасибо, Глория, – кивнул Тит Корнелиус.

Он вытер слегка вспотевшие ладони платком и потрогал пристегнутый наручником к левому запястью стальной чемоданчик с докладом. Выпрямив затекшую спину, сел на диване

поудобнее. Советский посол, да ещё принимаемый срочно, вне графика, это надолго. Товарищ Красноверхов с глупостями не придёт.

Через несколько минут дверь кабинета открылась и осанистый посетитель шагнул в приемную, вытирая со лба обильный пот. Галстук его съехал набок, седоватые волосы растрепались. Покосившись сквозь пенсне на военного в маршальском мундире, прошествовал на выход. Почти сразу из переговорной трубы на столе секретарши донеслось:

– Пригласи Пиринейского!

Глория, оторвавшись от пишущей машинки, улыбнулась маршалу:

– Можете войти!

Подтянувшись, Тит Корнелиус вошел и остановился на середине ковра, там, где виднелась отчетливая проплешина от подошв многочисленных посетителей. Выпучив глаза, гаркнул по-уставному:

– Приветствую базилевса!

Базилевс Лука ответил римским салютом и буркнул:

– Садись, рассказывай.

Усевшись за стол, маршал отпер чемоданчик, открыл доклад:

– Заслуживающий доверия источник, близкий к правительственным кругам СССР...

Базилевс раздраженно перебил:

– Ты что, интервью газетчикам даёшь, что ли? Давай по существу!

– Слушаюсь, император! Итак, есть информация, что советские товарищи приняли решение о реорганизации вооруженных сил. В частности, они намереваются предпринять поиски легендарного огнедышащего дракона, известного у русских под именем Змей Горыныч. Экспедиция стартует в ближайшее время... если уже не в пути. Добыть хотя бы одно яйцо их главная цель. Планируется постройка научно-исследовательского института и инкубатора. Змей Горыныч, согласно древним летописям, изрыгает струю пламени до двенадцати метров. Сам он, от кончика морды до кончика хвоста, достигает трёх метров. Размах крыльев – около пятнадцати метров. Ему также приписывают зачаточный разум. Ничего не известно о самках ящера, ни единого упоминания о них в легендах. Возможно, он бесполой... и размножается партеногенезом. Согласно хроникам сей дракон приносил немалый вред, похищая или вымогая красивых девушек. Шестьсот лет назад, в результате объединенных усилий магов Европы нападения и даже появления дракона прекратились, но, тем не менее, русские склонны полагать, что вид этот не вымер. К сожалению, ареал обитания неизвестен. Во всяком случае, Центральная Европа, Гиперборея и Африка исключаются.

Тит Корнелиус промокнул платком вспотевший лоб и продолжил:

– Успех этого проекта невозможно переоценить, ибо советское преимущество в воздухе нам будет нечем компенсировать. Инкубатор будет выдавать новые и новые боевые беспилотники в любых количествах. Лучшие кадры дрессировщиков будут воспитывать драконов, натаскивая их на воздушные и наземные цели. До сих пор легион Гарпий позволял нашей авиации удерживать господство в воздухе, но...

– Но... что? – подался вперед Лука.

Тит Корнелиус развёл руками:

– Цикл их воспроизведения непредсказуем и новые появляются лишь раз в пять – семь лет, а достигают зрелости через пятнадцать. К тому же, Гарпии показали себя хорошо только против ковров-самолётов, а против наземных целей они, увы, малоэффективны. Прицельность метания перьев невелика... и Гарпии уязвимы для ПВО.

(Справка: Гарпии, Quasi Homo-Avis Sapiens, существа с лицом женщины и женской же грудью, но птичьим телом. Разумные. Гермафродиты. Яйцекладущие, млекопитающие. Рост 2 м 20 см, размах крыльев 9 м. Ареал обитания: Пелопоннесский полуостров. Боевые особенности: мечут заостренные перья, бронебойные и зажигательные. Также имеют кинжалоподоб-

ные когти, которыми сражаются в ближнем бою. Большинство Гарпий служат в ВВС Византии. Прим. Автора).

Лука выругался по-гречески.

Командующий разведкой тактично примолк, но про себя отметил, что уровень экспрессии невысок.

– Авантюра! – рубанул рукой воздух базилевс, но неуверенно, – То ли есть драконы, то ли нету... да пока размножать их научатся... то, да сё... Много воды утечет в Стиксе!

– Так точно!

– Нет, не так и не точно! Ты поставь это дело на особый контроль! А ещё лучше... добудька мне яйца Змея Горыныча. И сделай это раньше русских!

– Есть поставить дело на особый контроль и добыть яйца раньше русских! – вскочив, вытянулся в струнку маршал.

– Свободен.

После его ухода Лука приказал секретарше прекратить приём и уселся в кресло у камина. Так легче думалось. А подумать было о чём! СССР оставался потенциальным противником номер один, несмотря на продекларированную политику разрядки международной напряженности, экономические связи и тысячелетнюю историю взаимоотношений. Новое оружие сулило новый виток гонки вооружений. Крутой, надо сказать, виток! Господство в воздухе – это вам не шутка! Значит, надо из кожи вылезти, но яйца дракона добыть... Ну, Пиринейский справится... наверное... А если нет? Фу, даже подумать страшно! Германия... Может, закупить у них Валькирий? Небесные девы с огненными мечами в дополнение к Гарпиям...

Встав, взял с полки энциклопедический словарь. Прочитал:

«Валькирии, или Небесные Девы, один из подвидов Homo Sapiens. Рождаются в результате браков с мужчинами-альбиносами. Летают при помощи врожденной магии, но из кокетства носят декоративные крылья. Оружие: магический огненный меч длиной 1200 мм. Основное занятие: служба в ВВС. Природный ареал обитания: Гиперборея, северная Европа. В настоящее время популяция не превышает 30000 особей в Германии, ещё 5200 в Гиперборее. Внесены в Красную Книгу, находятся под охраной правительств Германии и Гипербореи. Примечание: Валькириям запрещено продавать алкоголь, так как они впадают в патологическое опьянение даже от самых малых доз и перестают контролировать себя, становясь смертельно опасными для окружающих».

Угрюмо ругнувшись, Лука поставил книгу на место. Охраняемый подвид! Рождаются от альбиносов! Где столько альбиносов набраться, чтобы хотя бы легион Валькирий родился? Да и не каждый альбинос годится... и не каждый согласится. И Валькирии, небось, тоже разборчивые... Нет, германцы их не продадут и даже не одолжат, тем более, что договора о военном сотрудничестве с ними нет. Да, вся надежда на Пиринейского и его орлов. Змей Горыныч: и штурмовик, и истребитель!

Мысли вернулись к визиту советского посла. Товарищ Красноверхов намекал на возможность заключения военного союза против недавно организованного блока Германии, Великобритании, Японии и США. Дескать, вместе их проискать и поползновениям будет легче противостоять, а там, возможно, и Китай присоединится. При всей убедительности приведенных аргументов Луку терзали смутные сомнения. Да, в последней войне Византия и СССР были добрыми союзниками и успешно разгромили германские войска. Бритты тогда отсиделись на своём острове, только материально помогли. Но нынче, двадцать лет спустя, отношения с Германией можно назвать если не дружескими, то вполне добрососедскими. Торговля, научное и культурное сотрудничество, то, да сё... С Британией тоже всё идёт ровно, хотя и ершится иногда по поводу Гибралтара и некоторых островов. С Советским же Союзом, наоборот, дружба как бы охладела. Конечно, Америка и Япония, находясь по разные стороны

Земного Диска, в военном смысле угрозы не представляют, но они, во-первых, ужасно богатые, во-вторых, у них наука и технический прогресс превалируют над магией, а значит, при их поддержке Германия и Британия смогут в будущем давить на Византию весьма ощутимо...

С другой стороны, военная мощь Советского Союза до сих пор вне конкуренции. Его кавалерия и самоходные артиллерийские установки, а также численное преимущество в живой силе решили исход войны. Ну, и богатыри, а как же! В Советском Союзе богатырей больше, чем во всей Европе вместе взятой, даже больше, чем в Китае. А один богатырь в бою целой центурии стоит!

(Справка: богатырь, подвид Homo Sapiens, средний рост 2 м 70 см, средний вес 270 кг, обладает силой, скоростью и реакцией, вдесятеро превышающими таковые обычного человека. «Богатырский» рецессивный ген сцеплен с Y-хромосомой, поэтому рождаются от обычных женщин только особи мужского пола раз в три поколения. Основное занятие богатырей – воинская служба. Прим. Автора)

Лука наклонился к переговорной трубе:

– Глория! Русской водки и огурчик!

Водка в запотевшей хрустальной рюмке была принесена через тридцать секунд. Выпив и закусив, базилевс принялся думать взбодренным мозгом заново.

Да, заключить военный договор необходимо, нельзя без союзника. Тем более, что в перспективе к СССР и Византии может присоединиться Китай. Но, с другой стороны, если договориться с германцами и бриттами, то Советский Союз можно будет... как это по-русски? – построить! Особенно, если Змей Горыныч на вооружение поступит, да! Так что, торопиться не будем... Там видно будет!

Встал, подошел к зеркалу. М-да, живот растёт, а на голове – наоборот. Надо бы собой заняться, ведь сороковник не за горами. В спортзал походить, в бассейн... Руку с кубком попридержать. Главное, чтобы костюмчик сидел, а то на последние фотографии, несмотря на ретушь, без грусти не взглянешь.

Глава вторая

Иван вытянулся на верхней полке плацкартного вагона почтово-багажного поезда Ленинград-Петрозаводск и закрыл глаза, предвкушая целые сутки блаженного ничегонеделания. Ритмично постукивали колёса на стыках, навевая дремоту. Поезд, влекомый мощным вечным двигателем, нёсся по просторам Севера, иногда распуская пневматической сиреной зверей, пытавшихся пересечь магистраль.

Автор считает, что надо объяснить насчёт вечного двигателя, который в нашей реальности не работает.

С развитием капитализма возникла проблема перемещения резко возросших объёмов грузов на значительные расстояния, которую невозможно было решить при помощи гужевого транспорта. Поэтому, в середине девятнадцатого века гениальным русским инженером-самородком Игорем Владиславовичем Смеловым было изобретено несколько вечных двигателей первого рода. Один из них удалось при помощи магии доработать, чтобы и сам вертелся, и вертел колесо. На базе вечного двигателя Смелова были созданы локомотивы,двигающиеся как по рельсам, так и по дорогам. К сожалению, конструкция была довольно громоздкая, тяжелая и низкооборотная, поэтому могла приводить в движение только поезда, грузовики и корабли. Памятник И. В. Смелову ныне стоит на ВДНХ, перед павильоном «Машиностроение».

Сон только-только начал обволакивать нежным облаком надвигающегося забытья утомлённый мозг, как кто-то бесцеремонно дернул Ивана за ногу:

– Эй, стрелец! Слезай, ужинать будем!

Разлепив веки, Иван увидел перед собой улыбающегося усатого дядьку лет сорока, одетого в потёртую телогрейку.

– Да я... это...

– Слезай, слезай, – настаивал дядька, – Не с бабами же мне водку пьянствовать!

Действительно, в купе и на боковых полках ехали одни женщины.

Иван, услышав про водку, спрыгнул с полки и попал прямо в сапоги – казарменный трюк, освоенный и доведенный до совершенства за два года службы. К водке он был не особо склонен, но кто ж от дармового угощения отказывается? Задарма и уксус сладок!

Дядька уже разложил на столе закуску: солёные огурчики, сало, пару луковиц, картошку в мундире и копчёную корюшку. Иван сбегал к проводнице, принёс стаканы в подстаканниках. За них пришлось заплатить, как за чай, но это неважно.

– Ну, за знакомство! – поднял стакан дядька, – Меня Иваном зовут. Иван, стало быть, Филатыч.

– И меня Иваном! – откликнулся курсант.

– О! Ну, будь здоров, тёзка!

Выпили, закусили, повторили, ибо между первой и второй перерывчик небольшой. Разговорились.

– Ты, Ваня, в командировку, что ли? – хрупая брызгающим рассолом огурцом поинтересовался Филатыч.

– Угум! – промычал сквозь прожевываемое сало Иван, – Ой... то-есть, в отпуск. На родину.

Филатыч разлил по третьей.

– А где живешь-то?

– Деревня Широкая Здеся. От Петрозаводска на пригородном поезде до райцентра, а там можно катером, или на омнибусе.

– Надолго, в отпуск-то?

– На ме... на десять дней, не считая дороги.

Выпили по третьей. Филатыч принялся многословно рассказывать, как ездил в Ленинград в командировку от рыбхоза, выбивал новый катер.

– Главное, я им объясняю, что старый-то катер на списание пошел по причине утонутия. Озеро-то наше, Онега, ого, какое штормливое! Опрокинулся, значит, и – бульк на дно! А они: мы вам лучше водолазов пришлём, пусть подымают катер ваш, он срок свой не выработал! А я им...

Ивана от выпитой водки и гипнотизирующе журчащего говорка Филатыча крепко повело. С трудом взобравшись на полку, он захрапел. Филатыч досадливо крикнул и продолжил ужин, щедро поделившись салом и огурцами с соседками. Через два часа он остался единственным бодрствующим существом во всём вагоне, ибо время было позднее. Осторожно снял с третьей полки Ванин ранец. Заглянул, удовлетворенно хмыкнул: каска, бинокль, десантный нож... А это что? Эге! Да это же «Атас», пистолет-пулемёт самоновейший! На вооружении состоит только в спецчастях КГБ и Спецназа. Понятненько... Аккуратно положив ранец на место, Филатыч, а на самом деле агент Византийской разведки Костас Ластиниди, одним прыжком взлетел на полку и довольно улыбнулся в темноту: есть подтверждение, что этот парень и есть отправленный на поиски Змея Горыныча персонаж. Немного удивляло, что такую серьёзную миссию КГБ поручило зеленому курсанту-стрельцу. Неужели, только из-за того, что он уроженец тех самых мест, где, якобы, обитает Змей Горыныч? Наверняка к нему позже присоединится группа... Вот и хорошо, группу легче отслеживать! В Петрозаводске он передаст парня своей команде.

На вокзале Иван и Филатыч пошли на платформы пригородных поездов. Ехать предстояло вместе, только Филатычу дальше. До райцентра, где у Ивана планировалась пересадка, езды часа три, поэтому в пивном ларьке купили две трёхлитровых банки пива и отличных раков. Для поправки здоровья и чтоб время быстрее бежало! В полупустом вагоне к Филатычу подсели два земляка, крижистые парни с дублёными онежскими ветрами лицами рыбаков. У них пиво тоже имелось. Познакомились с Иваном:

– Я – Петро! – прогудел тот, что сел напротив, с Филатычем.

– Я – Пафа, – несколько шепеляво из-за отсутствия трёх передних зубов (зубей? Зуб?) представился второй.

Выпили пивка. Кружка нашлась только у запасливого Филатыча, поэтому пили по очереди. Потом до самого райцентра играли в карты, в переводного Дурака. Иван проиграл восемнадцать раз, а выиграл всего три, но настроение от этого не ухудшилось. Жизнь прекрасна! Ехать с хорошими людьми, пить пиво, шлёпать картами с шутками да прибаутками... Что может быть лучше? В смысле, в поезде?

В райцентре Иван и новые попутчики сошли, сердечно попрощавшись с Филатычем. Втроем они двинулись к выходу с перрона. Народ уже схлынул. Вдруг Иван вспомнил, что его должен встретить напарник, товарищ Серый. Он обернулся к Петру и Павлу и уже открыл рот, чтобы сказать, мол, не ждите меня, ступайте, я встречающих жду, как внезапно налетел вихрь, состоящий из волка странноватого розового цвета. Никто не успел и пальцем моргнуть, ни глазом пошевелить (ой, наоборот!), а волк уже вгрызся в лодыжку Петра. Хруп!

– А-а-а! – завопил укушенный, падая навзничь и разливая остатки пива, – *Damnant lupus malus est!* (проклятый плохой волк, – латынь, перевод Автора).

Волк, тем временем, уже вцепился в лодыжку Павла. Хруп! Павел тоже заорал и шлёпнулся на товарища. Иван стоял, вытаращив глаза.

– Что уставился? Быстро уходим! – скомандовал волк и они бегом покинули перрон, на котором, к счастью, никого уже не было.

На вокзальной площади волк негромко произнёс:

– От Москвы до самых до окраин.

Иван впал в ступор и молчал.

– Ну? Отзыв давай! – нетерпеливо рыкнул волк.

– Человек проходит, как хозяин, – пролепетал Иван, – А ты... вы и есть, значит, товарищ Серый?

– Да.

– А почему... розовый?

– Покрасился неудачно, – вздохнул Серый Волк, – Хотел камуфляж навести, а в местном Сельпо красочка оказалась из Одессы, с Малой Арнаутской улицы.

– А зачем ты ребят укусил?

– Затем! Они – вражеские агенты. Я сразу учуял. Или не слышал, как они по латыни ругались?

– Да, я... это... латынью не владею... в школе германский учил.

– Короче, Ваня, сваливаем отсюда, разговоры потом!

По дороге Иван лихорадочно припоминал, не проговорился ли он, не выдал ли спьяну военную тайну. Вспомнились плакаты в училище: «Болтун – находка для шпиона», «Бдительность – не мнительность!» и, почему-то, «Береги Родину, мать твою!». Нет, ничего окромя легенды об отпуске не рассказывал! На душе полегчало.

Добравшись до морвокзала (Онежское озеро многие называли морем), партнеры заняли очередь за билетами на катер до Широкой Здеси. Отправление было скоро: через два часа.

– С вас, товарищ военный, восемь тридцать, а за собачку – пять шестьдесят, – сообщила кассирша, толстая тётка неопределенного возраста в ярком цветастом платке.

Иван заплатил и тщательно спрятал билеты в бумажник. Для отчёта. Время до посадки ещё имелось в избытке, поэтому зашли в забегаловку перекусить. Меню было не очень обширное: борщ, пельмени, жареная рыба, беляши и пирожки с повидлом.

– Тебе... вам что взять? – спросил Иван, изучив захватанный жирными пальцами лист.

– Борща и беляшей, а на десерт пирожок с повидлом. Люблю жареное тесто! Только, попроси, чтоб борщ не горячий налили, и погуще.

Борщ перелили в миску. Дело было обычное, много проезжающих с собаками.

Иван взял себе пельменей. Двойную порцию.

– Зря ты борщ не взял, – укорчиво попенял Волк, вылизав миску, – В жидкости вся сила!

Иван заметил, что говорит товарищ Серый с украинским акцентом.

– Вы... ты сам-то, откуда?

– Я-то? С-под Жмеринки, – рассеянно ответил Волк, пережевывая последний беляш и рыгая, – Не, по-правильному, борщ только с пампушками хорош.

Ивану это ничего не объяснило, он был не силен в географии Украины.

– А говорить по-нашему...

– Ой, как ты неразвит, курсант! – покачал головой Волк, – Я – *Canis Lupus Sapiens*, редко встречающийся подвид. У меня с детства разум фунциклирует. Вот, ты киносериал про умного пса Мухтара смотрел по Серебряному Блюдечку? Так это я там играл, только в овчарку перекрашенный.

– Смотрел, – сконфузился Иван, – Да подумал – выдумка. Мало ли, что в кино снимают!

– Ты, вообще, который год служишь? – сменил тему Волк.

– Третий.

– А я уже второй год на сверхсрочной, и звание у меня – старшина.

Иван проникся. А тут и посадку объявили.

На катере они расположились на корме, в салон не пошли, благо погода стояла отличная.

– Я так смекаю, – произнес Волк после продолжительного молчания, – У тебя переночуем – и с утра на болота, поохотиться, типа. Ни к чему нам в деревне долго светиться.

– Ты что, какая нынче охота? Не сезон! – возразил Иван, – Да и ружья у меня нет.

– Эх, и верно... Ну, тогда скажешь, ежели кто спросит, что на поиски артефактов отправился.

– Чего-чего?

– Артефакты. Это такие предметы загадочные. Метеориты всякие, и вообще... Я слышал, в этих краях чего только не находили: и кости чудовищ доисторических, и камни говорящие, и клады древние.

Иван о таком тоже слышал, но сомневался. Легенды! В давние времена какая-то баба, якобы, на камень наступила, а он и заругался. Баба с испугу убежала без памяти, а когда ей исправник велел тот камень добыть и властям отдать, снова то место найти не смогла. Так что таких камней даже в Академии наук нет! А уж клад старинный сыскать, тем более, не имея карты с крестиком, вообще диво дивное. Хотя, с другой стороны, выиграл же дед Семён в лотерею десять тысяч старыми в пятьдесят девятом! Это чудо покруче любого клада!

На том и порешили: уйти на болота, едва рассветёт, ибо замаскированные вражьи агенты могут в любой момент нагрянуть, следить начнут, да так, что их и не заметишь, а потом и добычу отберут! То-есть, ежели будет добыча.

Укушенные шпионы доползли до вокзального медпункта, где им оказали первую помощь: промыли раны Мёртвой водой, наложили гипс и ввели вакцину от бешенства. Посоветовали также наблюдаться у хирурга по месту жительства. И больничный лист открыли, а как же!

– Что делать-то теперь? – угрюмо прищурился Петр, неуклюже прыгая на слишком коротких костылях.

Павел, командир группы, ответил, скривившись:

– Что, что... доложить, что объект оторвался от наблюдения, а мы получили производственную травму. Травмы!

На почте, оказавшейся, к счастью, неподалёку, сочинили письмо. В письме подробно описали, как героически сражались с внезапно напавшим волком, возможно, агентом КГБ, но, к сожалению, битву эту проиграли. Из-за ранений выполнение задания вынуждены были прекратить. Отправили сию эпистолу Филатычу с почтовым голубем, хотя и встало в копейку. Затем, расположившись на лавочке в парке, принялись ждать ответа. Ждать пришлось долго, до темноты. За это время сердобольные горожане накидали им в кепку пятак и копеек, думая, что калеки просят милостыню. Шпионы сначала конфузились и пытались отказываться, но потом решили, что так даже и лучше, меньше подозрений: одно дело калеки-побирушки, и совсем другое – два нездешних мужика просто так!

На небе уже проклёвывались первые звёздочки, когда прилетел долгожданный голубь. Нетерпеливо сорвав с лапки письмо, Павел, помешкав с расшифровкой, прочёл:

«возвращайтесь петрозаводск подпись филатыч»

А что ещё он мог им приказать в сложившейся ситуации?

Тем временем Иван и товарищ Серый приплыли в Широкую Здею. Сойдя на причал, Иван с удовольствием втянул ноздрями воздух родины. Пахло сосновой хвоей и смолой, молодой травой, дымом и скотиной. Три года не был! Волк тоже принялся, но ничего угрожающего не учуял.

До родительской избы добрались уже в темноте. Это было хорошо для конспирации, соседи уже легли спать и Волка не видели. Да и Ивана им видеть было ни к чему.

Родителей дома не было, они два года тому назад подались на заработки в Сибирь, на деревообрабатывающий комбинат. Иван, не включая Лампочку Ильича (шар со специальным газом внутри, начинает светиться, если стекло потереть сухой тряпочкой), накрыл стол.

Поужинали сухарями и тушенкой, нашедшимися в кухонном шкафу. Волк ловко вылизал банку и, сыто отдуваясь, заявил:

– Щас спою!

– Ты что!? Соседи услышат! – всполошился Иван, – Не пой!

– Не могу не петь, луна-то, эвон, какая!

Иван глянул в окошко: луна, действительно, круглая и огромная, висела над лесом тазиком из начищенной меди.

– Да я тихонечко, вполголоса, – успокоил напарника Волк, – Вот, слушай:

Нэсе Галя воду
Коромысло гнеться.
За нею Иванко
Як барвинок вьється.

Галю ж моя Галю
Дай воды напиться...

Пел товарищ Серый отлично. Приятным баритоном, хотя и с хрипотцой. Иван украинского не знал, но понимал почти всё. Понравилось необычайно! Когда песня закончилась, он попросил:

– Спой... спойте ещё, пожалуйста!

Волк хитро ухмыльнулся и запел:

Не жалею, не зову не плачу!
Всё прошло, как с белых яблонь дым...

Иван слушал песню на стихи опального Есенина, как замороженный. Откуда? Ведь ни в одной библиотеке его книжки не найдёшь!

– Ты... вы где эту песню выучили?

Волк почесал задней лапой за ухом:

– Жил я у одной учительки... ещё до армии. Богато в хате книжек имелось, штук сто... или двести. Она Есенина каждый раз перед сном читала. Вслух. А то и пела... А вот, послушай эту!

Отговорила роща золотая
Берёзовым весёлым языком...

Необычный концерт длился целый час, пока напарников не потянуло в сон.

Через одну избу от Ивановой свет горел до полуночи: девушке Рогнеде не спалось!

Выйдя в сумерках умыться перед сном, она заметила Ивана, входящего в дом! Приехал, наконец-то! Сердце так и перевернулось, ибо Иван давно и прочно там угнездился. Сам он, правда, об этом ничего не знал, но Рогнеда отчаянно надеялась, что однажды их жизни сплетутся неразрывно. В смысле, полюбит её Ваня, как она его, и посватается! Только выходило, что случится сие не раньше, чем он училище своё окончит, то-есть, через полтора года. Конечно, влюбиться Ваня и раньше мог бы, да три года в отпуск не приезжал. Зато теперь... В голове Рогнеды моментально составил план: надобно завтра с утра к нему зайти, типа, просто поздороваться, да о жизни в Ленинграде поговорить. Потом можно спросить, надолго ли в отпуск, ненавязчиво предложить постирать бельишко, борща принести да каши гречневой, али курицу жареную: нешто мужик для себя самого стряпать будет? А сухомятка вредна для здоровья!

И вообще, бабы говорили, что путь к сердцу мужика лежит через утробу! Да она и овцу зарежет, чтобы любимому угодить! Мать поймёт, возражать не будет. Женихи, они не дождь, с неба не падают. Надобно из кожи вывернуться, а Ванюшу завлечь, ведь двадцать лет скоро стукнет! ... Ой, а как он поёт замечательно! Чуть слышно, правда, но всё равно, здорово!

Вернувшись в дом, Рогнеда улеглась в постель, но Лампочку Ильича не потушила, а принялась рассматривать единственную имевшуюся у неё Ванину фотографию, где он со школьной футбольной командой снят в десятом классе. Фотку эту Рогнеда выкрала у Ивановых родителей в позапрошлом году, но совесть её не мучила: во-первых, ей нужнее, во-вторых – у них ещё есть. Ах, Ваня! Какой же ты славный да пригожий! Так и зацеловала бы всего до синяков! Насмотревшись, спрятала фотографию за отставшие обои. Повертелась, пытаясь уснуть. Встала попить водички, а то сильно разволновалась. Задержалась у зеркала, критически оглядела своё отражение: лицо круглое, с ямочками на щеках, нос курносый, глаза зелёные, брови тёмные, густые, волосы богатые, медные, кудрявые. Сиськи большие, говорят, мужикам такие нравятся. Но веснухи-конопухи! И лицо, и грудь сплошь усеяли, проклятые! Эх, кабы знать заранее, что Ваня в отпуск придет, можно было бы в райцентр смотаться, к косметологу. На Сивку-Бурку денег, конечно, не хватило бы, но магический крем от веснушек купить – вполне! Прецедент имеется: деда Силантия внучка, Валька-бригадирша, вон, тоже конопатая была, а кремом намазала физию – и осыпались конопухи! Только красоты это ей, увы, не прибавило.

Уже в полночь, потушив свет, Рогнеда вспомнила самое заветное: как Ваня, уходя на учёбу в училище, пожал ей руку и сказал: счастливо оставаться, Рогнежка! Пиши иногда! Ой, она руку потом две недели не мыла, тайком Ванин запах нюхала! А писать не ленится, конечно! Каждый день письмецо на почту носит до сих пор. И о погоде, и о жизни в деревне, и об удоях, и о товарищах, кто не уехал, а в конце, этак, ненавязчиво: остаюсь ваша соседка Рогнеда. Ключевое слово здесь «ваша». Когда-нибудь, да сработает! А Ваня, бессовестный, ответил за всё время только три раза...

Рогнеда была девушка крупная и пышная, как дамы на полотнах художника Рубенса, ибо семья корнями уходила в Гиперборею и все предки были варяги, а папа даже председатель колхоза. Поэтому, когда она ворочалась и вздыхала, кровать громко скрипела и этим скрипом разбудила мать.

– Что, доченька, кряхтишь? Или живот прихватило? – встревожено окликнула она Рогнеду.

– Нет, мам, всё в порядке! И вовсе я не кряхтю!

Однако Брунгильда Олафовна встала и принесла настою ромашки:

– Выпей, сразу живот как рукой снимет!

– Да не хочу я!

– А я говорю: пей! – настаивала мать, нависая над дочкой грозовой тучей.

Пришлось выпить. Ромашка подействовала успокаивающе и девушка уснула.

Солнце едва встало, позолотив верхушки сосен и радостно полюбовавшись на своё малиново-алое отражение в озере, а Рогнеда уже была на ногах. Сноровисто управившись с домашними делами (подоить и выгнать корову в стадо, задать корма поросёнку и овечкам, собрать яйца в курятнике, натаскать воды для стирки), она надела лучшую юбку и модную вышитую кофточку, купленную в Петрозаводске зимой, и медленно, с достоинством двинулась к Ваниному дому.

– Эх, хороша у Свенсонов девка! И красавица, и умница, и в руках любое дело огнем горит! – улыбнулся старый Антип своей старухе Кларе, – Повезет однажды какому-то парню!

Клара улыбнулась в ответ, зная, о ком мечтает Рогнеда, но промолчала, ибо вслух об избраннике девушки говорить нельзя, пока они не помолвлены. Сглазить можно.

Девушка тем временем вошла во двор и постучалась в ставню. Никто не отозвался. Странно! Может, спит ещё? Постучала снова. Почувствовав беспокойство, толкнула дверь, позвала в полутьму сеней:

– Иван Иваныч! Вы тут?

Отклика не последовало. Поняв, что изба пуста, раздосадованная Рогнеда огляделась: у рукомойника на влажной земле след сапога, значит, ушел милёнок куда-то спозаранок! Обошла двор и нашла ещё один след. Собачий. Нет, волчий! Как это? Ваня с волком, что ли, ушел? Следы, отчетливо различимые в траве за огородом, вели в сторону болота. Поразмыслив, Рогнеда решила, что так оно тоже неплохо: встретит Ваню подальше от деревни, случайно, как бы! Куда бы он ни шел, она за ним увяжется, соврет, что заблудиться боится. А по дороге о многом можно поговорить! Или, скажем, ногу подвернуть понарошку, чтобы обнял и идти помог! А она закинет руки любимому на шею и... Сладкая судорога предвкушения поцелуя заставила на секунду замереть сердце. Быстро вернувшись домой, девушка переделалась: брезентовые портки, болотные сапоги, штормовка. В заплечный короб положила топорик, еды на сутки, жбан квасу. О том, что уходит на болото, матери оставила записку.

Выросшая в лесном и озёрном краю, она много раз ходила с батей на охоту, а с матерью и подругами – по грибы и ягоды, так что заблудиться нисколько не боялась. Следы Ивана и волка читались отчётливо. Вперед! Рогнеда уже догадалась, куда они держат путь: на Горелое болото! Отлично, туда есть тропка покороче. Правда, через топь, но это неважно. Она обгонит Ваню и выйдет навстречу! А там будет действовать по плану (смотри выше).

Вернувшись в Петрозаводск и получив нагоняй от приехавшего босса, Пётр и Павел принялись зализывать травмы, а Костас, в смысле Филатыч, принялся думать, как быть дальше.

Первоочередной целью Царевича было, несомненно, Горелое Болото, ибо именно оно упоминалось в сказке. Филатыч коварно подстерег курсанта Рахимова (Иванова соседа по дортуару) во время увольнения и угостил пивом. Безотказный приём! Надо только сказать, что компания нужна – и любой согласится. За пивом искусно навёл его на тему Змея Горыныча и – вуаля! Парень, не подозревая, что перед ним шпион, простодушно пересказал сказку, которую, почему-то, забыли засекретить.

«Значит, надо идти туда! Но, не в одиночку же?»

Кадров у византийской разведки, кроме Петра и Павла, в Петрозаводске на тот момент не имелось. То-есть, резидент-то был, но временно отсутствовал (отбывал пятнадцать суток за мордобой в пивной). Пришлось возвращаться в Ленинград, просить помощи у тамошнего резидента. Резидент – галл Шарпантье, скрывавшийся под личиной заведующего фотоателье, долго канючил, что у самого людей не хватает, работы навалили выше крыши... И, вообще, его дело – разведанные собирать в кучку и переправлять в Центр, а боевики, дескать, не его епархия. Филатыч пресек его увиливания простым упоминанием, что дело находится на контроле у самого Тита Корнелиуса Пиринейского, и предложил связаться с ним по спецсвязи, ежели что не ясно. Имя грозного маршала произвело желаемое воздействие. Шарпантье поскреб по сусекам и предоставил в распоряжение Филатыча двух агентов, обычно использовавшихся для наружного наблюдения. Работали они под псевдонимами Арнольд и Феликс. Оба сугубо городские, даже в настоящем лесу никогда не бывали. Но пообещали научиться всему по ходу дела. Остаток времени перед отъездом в Петрозаводск Филатыч использовал для закупки одежды и обуви для новых помощников. Не в костюмах же и полуботинках им по болотам шастать!

Короче, пока команда византийских шпионов добралась до Широкой Здеси, Иван с Волком уже четыре дня бродили по Горелому Болоту.

Глава третья

– Вот оно, Горелое Болото! – обвёл рукой окружающую их унылую местность Иван. Идти пришлось долго, часов шесть, и он приморился. Волк сел на кочку и принялся. Пахло... болотом, в общем.

– Ваня, а у тебя карта есть? Или чертеж какой-нибудь?

Они за время похода прочно перешли на «ты».

– Карта есть, – вздохнул тот, – Только на ней Горелое Болото не обозначено. Оно, вообще, ни на каких картах не обозначено. Придется зарубки делать, чтобы по одному и тому же месту зря не ходить.

Найдя островок, они устроили привал. Огня разводить не стали. Иван достал из ранца банку со спецпитанием и с усилием проглотил две ложки, ибо паста сильно отдавала рыбьим жиром.

Волк поморщился:

– Не, я такое не буду, лучше поймаю дичь какую-нибудь...

Убежал куда-то, а через четверть часа вернулся, облизываясь, с прилипшим к морде утиным перышком.

– Ну, что? Пошли?

Иван сделал топориком затёс на ёлке и они двинулись на север, намереваясь пройти с километр, а потом повернуть на запад. Километр, поворот, ещё километр, ещё поворот... Признаков лежбища или гнезда Змея Горыныча не усматривалось. Они уже возвращались к исходной точке, чтобы начать прочёсывать новый квадрат, как в кустах затрещало, и навстречу им вышла Рогнеда.

– Ой! Иван Иванович! Здравствуйте вам! – изобразила она удивление.

– Здравствуй, соседка, – кислым голосом отозвался предмет её мечты, – Ты как здесь?

– Да так, решила прогуляться, посмотреть насчёт ягод да грибов.

Объяснения получше девушка не придумала и покраснела с досады: какие в конце апреля грибы-ягоды!

Волк фыркнул. Иван улыбнулся. Эта улыбка вдохновила девушку на развитие разговора, и она зачастила:

– Ой! А вы в отпуск приехали, да? А надолго? Утречком я к вам заходила поздороваться да спросить, не надо ли чего, а вы уже ушедши! Ой, а может, вы кушать или пить хотите? Я с собой взяла и квасу, и курицу варёную, и яиц печеных. Вот, угощайтесь!

Она попыталась снять свой короб, но Иван удержал:

– Не голодный я, недавно обедал.

– Ой, а что вы тут делаете?

Иван вздохнул, ибо врать не хотелось. Но надо!

– Артефакты ищу. Ну, камни говорящие, кости древние... да мало ли!

Про клады говорить не стал.

– Камень говорящий? Ой, а я знаю, где он лежит! – воскликнула Рогнеда, вне себя от счастья, что может помочь, – Я в прошлом году на него наступила, а он как завопит! Ох, и испугалась! Домой без памяти бежала! Пойдемте, покажу!

Иван переглянулся с Волком. Тот пожал плечами. Делать нечего, пришлось идти, причём, довольно далеко, часа два.

– Вот! – Рогнеда показала на неприметный, сантиметров тридцати, бугорок на очередном островке.

Иван, присев на корточки, поковырял камень пальцем, счищая мох.

– Ай! Щекотно! – хихикнул тот.

Иван отпрянул. Волк вздыбил шерсть на загривке.

– Э-э... Здравствуйте, уважаемый! – придя в себя, начал контакт Иван.

Камень молчал. Пришлось снова дотронуться.

– Здравствуй.

Голос у камня был глуховат и слегка дребезжал, будто надтреснутый колокол.

– Я – Иван, а это Рогнеда и товарищ Серый. А вас как звать-величать?

Камень помолчал, затем начал задушевно повествовать, начав издалека:

– Давным-давно, миллион лет тому назад, жила-была в Космосе планета Фаэтона. Росли на ней леса, плескались моря и озёра, высились горы со снежными вершинами. Летала планета вокруг Солнца, поглядывала на своё отражение в далёком серебристом Магеллановом Облаке и очень себе нравилась. Тем не менее, прихорашивалась постоянно: то новый материк в океане выпятит, то пустыню со складчатыми барханами раскинет, то ледники на полюсах отратит. Не скучала, в общем. С другими планетами общалась, когда орбита с орбитой сходились поближе. Новости друг дружке пересказывали, сплетничали. А однажды из другой звёздной системы прилетела планета Терра и похвасталась ей Фаэтона, что на ней разумная жизнь завелась! Люди, говорит, мелкие такие, но умненькие и забавные! И дома-жилища строят, и на зверей-птиц охотятся, и по рекам-морям на кораблях плавают, и злаки сеют! Завидно стало Терре, что у неё такого развлечения нет. Стала она у Фаэтоны просить: поделись, мол, подруга, отсыпь людей маленько, а я уж о них позабочусь, ведь и вода, и атмосфера кислородная, и климат умеренный у меня есть. Нет, отвечает Фаэтона, самой мало. Оно, конечно, кто ж таким сокровищем просто так поделится? Подумала Терра и мену предложила:

– Вот, две луны у меня. На луну сменяешь? Я в неё смотрюсь, как в зеркало, намного удобнее, чем в галактику далёкую! Всё отлично видно, если вулканчик вскочит, сразу выдавить можно, или, там, тайгу да джунгли причесать. Ледники подравнять по-модному!

Задумалась Фаэтона. Действительно, намного лучше в луну-то смотреться! Да и престиж! Не у каждой планеты луна есть! Украшение, однако! Ладно, говорит, меняюсь. Только, на ту, что побольше!

Согласилась Терра, хоть и жалко ей было большой-то луны. Поменялись: Фаэтона на Терру людей переправила, хорошо прижились, сразу. А Терра ей луну отправила. Да только нехорошо вышло: не по силам оказалось Фаэтоне большую луну удержать, а бросить от жадности не смогла. Распёрло её центробежными, а, может, и центростремительными силами, и разорвалась она на миллион осколков. Полетели они куда попало, во все стороны. Часть на Терру упала, часть на другие планеты, часть в Космос улетела. До сих пор летят...

Камень примолк, а потом, грустно вздохнув, сказал:

– Так что, зовите меня Осколком...

Все потрясенно молчали. Во, история!

– А, вообще, где я нахожусь? На Терре?

– Не, наша планета Земной Диск называется, – ответила Рогнеда.

Иван поинтересовался:

– С тех пор, как упали, так здесь и лежите?

– Ну, вот ещё! – фыркнул Осколок, – Скучно, чай, на одном-то месте! Путешествую я.

– Это как это? – хором изумились Иван с Рогнедой и Волком.

– Как, как... Каком кверху! Давеча ледник, а потом другой да третий меня катал, пока я с водопада не скатился... И Змей Горыныч меня к себе в гнездо по воздуху носил! Скучно ему было, поговорить не с кем, а тут я! Долго мы с ним беседовали...

Иван аж вспотел от неожиданной удачи: свидетель! Самого Змея Горыныча знал!

– Вот, с этого места поподробнее, товарищ Осколок! Не могли бы вы мне... нам показать, где Змей Горыныча гнездо?

– Здесь! – уверенно ответил камень, – Я с тех пор никуда не перемещался.

– А Змей Горыныч тогда где?

– А кто его знает! – беспечно ответил фрагмент иной планеты, – Улетел, а куда – не доложился.

– Давно, улетел-то? – настаивал Иван.

– Да, как сказать... Снег с тех пор шесть раз выпадал.

Обыскали островок. Действительно, нашлось подобие гнезда: неровный круг метра три диаметром, окруженный сгнившими ветками и сучьями.

Иван приуныл. Волк шумно вздохнул и улёгся, положив морду на лапы. Рогнеда хлопала ресницами, ничего не понимая. Зачем Ваня про Змея Горыныча интересуется?

– А зачем тебе Змей Горыныч? – будто прочитав её мысли, спросил Осколок.

– По важному, срочному и секретному государственному делу, – строго нахмурился Иван, уклоняясь от прямого ответа, а Волк многозначительно постучал хвостом.

Рогнеда только охнула. Вот, оно, значит, как! Ваня-то, на секретной службе!

Осколок хмыкнул недоверчиво:

– Да неужто? Ну, ежели сильно нужен, могу проводить. Я его чувствую!

Иван и Волк вскочили:

– Пойдем!

– Только вам меня нести придётся! – озабоченно предупредил камень, – А то ещё вздумаете ногами пинать, чтоб катился!

Иван сапёрной лопаткой выкопал его из мягкой торфянистой почвы. Товарищ Осколок был тяжёл, тянул пуда на три. Неправильной, слегка вытянутой формы, он, тем не менее, выглядел валун-валуном. И ни рта у него, ни ушей... Откуда он разговаривает? Ладно, учёные разберутся!

– Рогнежка! Домой отправляйся, поздно уже. Как раз до темноты успеешь!

– Ой! А вы как же?

– А мы дальше пойдём! И ночевать тута будем, в деревню не вернёмся.

Рогнеда поняла: вот он, её шанс! Ежели она с Ваней ночь в лесу проведёт, то вся деревня об этом моментально узнает. Тогда милёнку ничего другого не останется, кроме как посвататься! Взмолилась со слезой в голосе:

– Иван Иваныч! Не бросайте меня, вдруг заблужусь да в трясине сгину! Давайте, я лучше с вами! И товарища Осколка я могу нести, у меня в коробе места много!

Иван тоже прекрасно сознавал всю шекотливость ночевки в лесу с Рогнедой. Три здоровенных брата у неё, с вот такими кулачищами! А ещё батя и дядя. Мигом заставят жениться, ежели узнают, что он с их сестрой, дочкой и племянницей ночевал. В смысле, с Рогнедой. А жениться ему пока не хотелось, не нагулялся ещё. Да и какая женитьба, ещё ведь целых два года учиться! Вот окончит училище, тогда и... Конечно, Рогнеда ему нравится, но и другие девушки тоже. Будет ещё возможность выбрать самую лучшую! Прогнать соседку домой... по-хорошему не уйдет, вон, аж вибрирует от любопытства! Будет, небось, красться, подглядывать, ещё по глупости в беду какую-нибудь влипнет. Пусть уж лучше на глазах будет. Решил, что отобьётся от возможных претензий Свенсонов: он тут не один, есть свидетели – товарищ Серый и Осколок.

– Ладно, – черствым голосом буркнул Иван, – Оставайся. Только, слышала же: государственная тайна. А у тебя допуска нет. Вот ты мне прямо сейчас и дашь подписку о неразглашении.

Написав текст на листке из блокнота, он протянул его девушке. Та от радости подписала, даже не прочитав.

Положили говорящий камень в короб.

– Правее, ещё правее... так держать! – скомандовал он.

Пошли на северо-восток. Шли до самой темноты, умаялись, перепачкались. На очередном островке решили заночевать. Разложили костерок, вскипятили чаю. Волку дали сахару просто так. Затем Иван поставил спецпалатку. Лёгкая, малогабаритная, она умещалась в кармане ранца. Сохраняла тепло и пропускала воздух, выдерживала любой ливень. Только один имелся недостаток: для двоих она была маловата.

– Лезь первая, да к стенке откатись, – велел Иван девушке.

Та на четвереньках полезла в палатку. Её большая и круглая попа, туго обтянутая брезентовыми штанами, представляла собой чрезвычайно пикантное зрелище!

«Не уснуть мне сегодня...» – пригорюнился Иван и заколебался: лезть в палатку, или нет. Решил, что спать на открытом воздухе не стоит – комары сожрут. Влез и устроился рядом с Рогнедой, ощущая даже на расстоянии тридцати сантиметров, их разделявших, жар её тела и дыхание на щеке. Стиснув зубы, отвернулся и закрыл глаза, отгоняя огромной дубиной грешные мысли. Через некоторое время усталость взяла своё и он уснул. Рогнеда тоже уснула, чрезвычайно разочарованная тем, что Ваня не стал распространять руки. Конечно, она бы сначала посопротивлялась для виду, а потом позволила бы... маленечко, выше талии. А на следующую ночь можно ещё чего-нибудь позволить! Конечно, тоже не без борьбы. А там и... Такая, вот, теория сопротивления материалов...

Утром Иван к своему конфузу обнаружил, что Рогнеда во сне закинула ему на живот ногу, руками обняла за шею, а дыханием щекочет левое ухо. Ну, прям, ваще-е! Выскочил из палатки и долго обливался холодной водой. Волк взирал на эти водные процедуры сочувственно, но помалкивал.

Позавтракали курицей, отдав Волку крылья и шею. Напившись чаю, двинулись снова на северо-восток.

– Далеко ещё? – заглянув в короб, поинтересовался Иван.

– Далеко, – беспечно ответил Осколок, – Дня три. Если не улетел, конечно.

Вторая ночевка в палатке прошла более спокойно. Просто улеглись спина к спине, пожелали друг другу спокойной ночи и уснули.

На третий день Осколок обнадёжил экспедицию, что Змей Горыныч уже близко. Болото изменилось и больше походило на озеро: появилось больше открытой воды, а осоки и кочек, наоборот, стало меньше. Из-за этого приходилось идти по запутанным синусоидам.

В полдень, высмотрев сухое место, Иван скомандовал привал. Но, как только они вышли на сушу, Волк ошетинился:

– Тут кто-то есть!

Иван и сам почуял запах дыма и жареного мяса. Достав на всякий случай Атас, он осторожно двинулся вперед, шепотом приказав Рогнеде оставаться на месте. Волк бесшумно скрылся в кустах, чтобы зайти с тыла. Шагов через сто Иван увидел костёр, а рядом с ним медвежью тушу и чью-то седую голову. Человек лежал в траве, следя, как жарится на вертеле медвежатина.

– Мир тебе, добрый человек! – поздоровался Иван, пряча Атас за спину.

Седой неспешно встал. Тут же выяснилось, что это, во-первых, богатырь (рост незнакомца оказался более двух с половиной метров), во-вторых, молодой, не старше семнадцати лет, судя по россыпи юношеских прыщей на лице, в-третьих, волосы не седые, а просто белые. Альбинос. Впрочем, у альбиносов глаза красные, а у этого оказались светло-светлосерые.

– Мир и тебе, дяденька, – отозвался богатырь, – Меня Илюхой зовут!

– А я – Иван... Иваныч! – представился Иван, давая понять, что он и старше, и опытнее. Тут подошли и Рогнеда с Волком.

– Угощайтесь! – гостеприимно предложил Илья, показывая на медвежатину, – На всех хватит!

Угощение было принято с благодарностью. У хозяйственной Рогнеды даже горчица нашлась!

После трапезы Иван спросил:

– Откуда будешь, Илюша? Я тут в округе всех знаю, а тебя нет.

– С того берега я, с Ламереги, – охотно ответил тот, – Деревня такая. И фамилия наша оттого Мурманец. У нас там больше половины Мурманцы.

– Ого! Далеконько!

– Да я, это... батин баркас взял – и через Онегу сюда. Гуляю, вот. А в осенний призыв мне в армию идти, как раз восемнадцать стукнет.

– Так, до осени ещё целое лето с маем месяцем в придачу! – изумилась Рогнеда.

– Ну, и что? Погуляю-погуляю, поработаю где-нибудь! – беспечно махнул рукой (ручищей) Илья.

– А домой? – поинтересовался Волк, тщательно обгрызая медвежью лопатку.

Мурманец вздохнул и понурился:

– Не, домой не вернусь. Меня батя выпорол, ну, натурально, ремнём! Я не стерпел, да из дому и ушёл.

– Выпорол?! За что? – ахнул Иван, ибо должна была иметься очень веская причина, чтобы выпороть взрослого парня, – Чай, не старое время, не при царизме живём!

Илья уселся поудобнее и начал рассказывать:

– Батя самогонку добрую гонит и каждую весну варягам отвозит, на баркасе, то-есть. Здеся, в Карелии, озер-то много, а пограничников мало. Вот мы с ним в условленное место и привозили, да меняли на баранов али телят. У них, в Гиперборее, водку-то не продают, так что нашу самогонку из рук рвали! (Гиперборея – страна, расположенная на Скандинавском полуострове. Населена шведами, финнами и норвежцами, неофициально именуемыми Викингами или Варягами. Прим. Автора).

Илья помолчал, затем продолжил:

– Этой весной опять отправились. Восемьсот литров батя за зиму подготовил, насили посуды нашлось разливать. Ну, варяги, значит, товар приняли, рассчитались честь по чести – четырнадцать барашков на баркас погрузили, а один мне пачку сигарет тайком сунул. Приплыли домой, я вечером за амбаром и закурил. А батя учуял! Как схватит меня за шкурку, как начнёт ремнём лупцевать! По заднице! Так обидно стало: ладно бы в ухо заехал, а он пороть, как маленького! Ну, я той же ночью и убежал...

– Понравилось, курить-то? – с интересом спросил Волк.

– Не понравилось, – буркнул несовершеннолетний богатырь.

Все примолкли, переваривая обед и услышанное. Из короба донёсся голос Осколка:

– Курение, это, вообще, что? Энергетическая подпитка?

Илья вздрогнул и заозирался:

– Это чтой-то? Кто?

Рогнеда представила ему товарища по борьбе с болотом:

– Это говорящий камень, Осколком зовут. Он с другой планеты прилетел.

Илья с интересом осмотрел валунчик, даже пальцем потрогал.

– Так, что насчёт курения? – повторил тот.

– Втягивают в себя дым некоторые граждане, а потом из ноздрей выпускают. Для удовольствия, – внёс ясность Иван.

– Но молодому человеку же не понравилось?

– Ну, кому нравится, а кому и нет.

Осколок задумчиво протянул:

– Змей Горыныч тоже из ноздрей дым пускал...

– Откуда ты знаешь? – скептически хмыкнул Волк.

– Видел.

– Ты можешь видеть?! – хором воскликнули Рогнеда с Иваном, – У тебя же глаз нет!

– А вот и могу! У меня эти... светочувствительные рецепторы, вот! – гордо заявил камень.

– А, Змей! Встретил я его намеренно! – вмешался в разговор Илья, – Лежит на поляне, дремлет. Я ему: здравствуй, чудо-юдо, а он...

– А он, что? – подскочил Иван в азитации.

– А он только глаз приоткрыл, дымом пыхнул и ничего не ответил. Невежливый, значит!

– А ты что?

– Я-то? Ушёл – и всё, – пожал плечами Илья, – А к вечеру медведя встретил. Тоже невежливого: рычать на меня взялся и лапой замахиваться.

– И ты его...?

– Дал ему по башке, чтоб не наглел.

– Дубиной?

– Кулаком. Он и с копыт. Сегодня, вот, пожарить решил. А тут, как раз, и вы подошли.

Иван лихорадочно соображал. Змей Горыныч совсем рядом! Правда, не ясно насчёт яиц, но, ведь, спросить же можно! Мурманца этого надо бы с собой взять, для представительности, ну, и для укрепы: вон, какой здоровенный, даже Змея Горыныча в случае чего поможет скрутить!

– Вот что, товарищ Мурманец, не желаете ли поступить на работу?

– Желаю! – заинтересованно отозвался тот, – А куда? И кем?

– В мою поисковую группу. Рабочим. Ну, и охранником.

– Нормально! И оружие дадут? – обрадовался Илья.

– Нет, несовершеннолетним оружие нельзя. Разве что, дубину.

– Согласен! А зарплата какая?

– Какая надо. Напишите сейчас заявление, я продиктую, и автобиографию. И анкету заполнить придётся.

Иван уклонился от вопроса о зарплате, ибо и сам не знал, сколько положено платить рабочим в полевой экспедиции, да ещё секретной. Потом в Управлении бухгалтеры разберутся. Впрочем, Илья не настаивал.

Процедура оформления затянулась часа на два. Внимательно прочитав заявление, анкету и автобиографию, Иван заставил нового члена группы дать подписку о неразглашении секретных государственных тайн.

Не успел он вытереть трудовой пот со лба, как к нему подступила Рогнеда:

– Как же так, Иван Иванович? Товарища Мурманца на работу сразу взяли, едва встретили, а меня нет? Я так не согласна, я тоже зарплату хочу получать!

Пришлось повторить всю процедуру сначала, оформив девушку квартирмейстером. Закончили уже в сумерках. К Змею Горынычу идти было поздно. Дабы не пропало добро, поджарили ещё медвежатины и наелись от пуза. Волк, икая, отполз к воде и пил так долго, что всем показалось, будто уровень озера понизился.

Приехав в Широкую Здесю, агент византийского империализма Филатыч первым делом озаботился о легализации своего положения. Просто так слоняться по деревне нельзя, люди внимание обратят, да и участковый заинтересуется. Решил, что самое логичное – прикинуться дачниками. Зайдя на почту, он быстро выяснил у почтальона Печкина, что бабка Голицына переехала к внучке на всё лето, правнуков пестовать.

– Изба ейная, стало быть, пустая, почему бы дачников не пустить? – рассудительно предположил почтальон, поправляя ремень сумки, – Я как раз в ту сторону иду, могу вас до Хрустального Чертога проводить.

– До чего?! – хором поразились шпионы.

Почтальон захихикал:

– Муж Натахин, Колька, хоромину отгрохал из пустых бутылок! Их тута навалом на каждом дворе, сдавать-то некуда. Вот и прозвали «Хрустальным Чертогом»!

Посмеялись.

Идти было недалеко, минут пятнадцать. Дом, преломляя лучи полуденного солнца, искрился и сиял всеми цветами радуги, поражая воображение башенками вокруг четырёхскатной крыши, арочными окнами, карнизами, фризами и (внимание!) колоннами! Прямо замок в миниатюре! Забор, впрочем, был деревянный.

На стук вышла ослепительно красивая, статная и дородная женщина лет тридцати.

– Нам бы гражданку Голицыну, Клавдию Михайловну, – вежливо приподнял кепку Филатыч.

– Я вас слушаю, – отозвалась бабка в кавычках.

Филатыч и Арнольд с Феликсом обалдели, аж челюсти отвесили. Почтальон же говорил, что она правнуков нянчит! Захлопнув рот, Филатыч перешел к делу:

– Я Иван Филатович Кеовин, а это мои помощники, Арнольд и Феликс. Нам сказали, вы на лето дачу можете сдать...

– Ах, дачу? Да, могу и сдать, ежели о цене договоримся, – улыбнулась женщина, показывая ямочки на тугих щеках.

У Филатыча потемнело в глазах.

– Какая же ваша цена будет? – с трудом вытолкнул он из себя.

– Тридцать рублей в месяц. Вам на сколько?

– Г-м, месяца на полтора... там видно будет.

– Сегодня заселяться хотите?

– Да, если можно.

– Почему нет? – снова улыбнулась Клавдия, и Филатыч почувствовал, как сердце его затрепетало, оборвалось и с шумом рухнуло в сапоги.

Заплатив аванс – двадцать рублей, они отправились к дому Клавдии. По дороге она взяла Филатыча под руку и ему совсем поплохело. От смущения у византийца заклинило мозги и он понес какую-то ерунду о командировке в Ленинград, о бюрократах, отказавшихся выделить рыбхозу новый катер... К счастью, быстро пришли.

Осмотрев добротный бревенчатый дом, заселились, в смысле Арнольд и Феликс заняли комнату с двумя койками – бывшую детскую, как пояснила Клавдия, а Филатыч оккупировал спальню.

– Ну, вот, живите, раз нравится! – поощрила их Клавдия, – А я побегу, пора Мишку с Машкой кормить.

– До свидания, Клавдия Михайловна, – светски наклонил голову Филатыч (хоть и вражеский, а, всё-таки, офицер!), – Только ключ оставьте, пожалуйста.

– Какой-такой ключ? – удивилась та, – Сроду у нас в деревне двери не запирались! Уйдете если куда, то палкой дверь подоприте, всякий и увидит, что дома никого нет.

– Э-э... ну, разумеется, – промямлил Филатыч.

Ночью он спал плохо. Милый образ маячил перед глазами и во сне, и не во сне.

«Красавица... Венера! Сколько же ей лет? Два мелких правнука... Семьдесят? Восемьдесят? Но, как? Наверняка без магии не обошлось...»

Старшему центуриону Костасу Ластиниди недавно исполнился сорок шестой год. Жил он бобылём, женат никогда не был. Да и какая может быть женитьба, если он в СССР уже шестнадцать лет безвылазно служит! Эх! Если бы только...

Утром, чуть свет, шпионов разбудил стук в окошко.

– Кто там? – вывихивая челюсть в зевке, окликнул визитёра Филатыч.

– Участковый уполномоченный.

Засуетившись, Филатыч набросил на голое тело телогрейку и отворил дверь. На пороге стоял немолодой человек в темно-синей милицмейской форме с планшетом на ремешке через плечо.

– Здравствуйте. Младший лейтенант Ластиниди. Я насчет прописки.

Филатыч вздрогнул и выпучил глаза: фамилия его и в Греции была достаточно редкой, а тут, в глуши карельской встретил однофамильца!

– Да, конечно, товарищ лейтенант... Сейчас ребят подниму.

Проводив участкового в горницу, растолкал Арнольда и Феликса.

– Вот, товарищ лейтенант, паспорта.

– Э, зовите меня по имени-отчеству: Константин Витальевич, – добродушно ухмыльнулся милиционер.

Филатыч снова вздрогнул: полный, выходит, тёзка! Отца Вителлием звали!

Константин Витальевич тем временем внимательно рассматривал паспорта, читая каждую запись, каждый штамп.

– Значит, ленинградцы? А к нам какими судьбами?

– Да мы, это... в отпуске. А здесь хотим по болотам побродить, жуков половить, бабочек всяких. Мы – энтомологи-любители.

– А, понятно. Для науки, значит.

Участковый достал из планшета футлярчик с печатью, на которую старательно подышал, распространив лёгкий запах перегара, и оттиснул в каждый паспорт: «Прописан временно. Деревня Широкая Здесе». Расписался вечным пером и поставил число – 30 апреля 1964 года.

– Добро пожаловать, товарищи! Завтра на митинг приходите.

– На какой... митинг? – опешил Филатыч.

– Как это, на какой? Первое мая завтра! – нахмурился представитель власти.

– А! Да-да, конечно придём! Просто мы в деревне впервые первое мая празднуем. А у нас в Ленинграде митингов нет, там демонстрация. Вот я вас не сразу и понял, товарищ лейтенант, – многословно оправдался шпион, никогда ещё не бывший так близко к провалу.

Участковый попрощался и ушёл. Филатыч выругался по-русски нехорошими словами.

– Не надо так-то, шеф! Паспорта же не спалились? – сделал замечание шокированный Феликс.

– Причём тут паспорта! Завтра придётся на митинг переться, ещё один день потеряем!

Младший лейтенант, вернувшись в свой кабинет, настроил Серебряное Блюдечко на канал спецсвязи и, когда на поверхности появилось лицо начальника участковой службы района, подполковника Шерепетова, доложил:

– Вчера у меня, в Широкой Здесе, появилось трое. Прописка ленинградская. Говорят, что в отпуске, но намереваются по нашим болотам, потому как являются энтомологами-любителями для науки.

– Молодец, Костя! Бдительность держишь на высоте! Присмотри за ними, – отозвался Шерепетов.

Ни он, ни младший лейтенант не были посвящены в тему Змея Горыныча. Просто начальство приказало докладывать обо всех незнакомцах, буде таковые появятся в Широкой Здесе, и проследить, что они будут делать.

Глава четвертая

Утром, под слегка дребезжащий рёв граммофона, исполнявшего «Утро красит нежным цветом», вся деревня собралась на митинг. Не вдаваясь в подробности, скажем только, что сначала выступал парторг, затем председатель колхоза, затем директор ликероводочного завода. Все трое осуждали и клеймили империализм, скорбели о тяжкой доле рабочих в странах капитала, клялись перевыполнить прошлогодние показатели и не забывали о кукурузе, которая царица полей. Ну, всё, как обычно.

Филатыч стоял рядом с одетой по-праздничному Клавдией и млел. От неё исходила эманация здоровья и счастья, а так же запах неизвестных, но очень приятных духов. Когда она улыбалась, у Филатыча каждый раз кружилась голова и подгибались ноги.

– Скажите, Клавдия Михайловна, а участковый... он не местный?

– Он из Петрозаводска, всего пять лет здесь. А что?

– Да, фамилия странная, греческая.

– О, у нас в Карелии кого только нет: и варяги, и греки! – беспечно пожала круглым плечом Клавдия.

Митинг закончился.

– Вечером концерт будет, артисты из Удмуртии приехали. Придёте?

Филатыч обещал прийти, напроочь забыв о служебном долге: он собирался двинуться на болота сразу после митинга.

Весь день он лежал на кровати, погруженный в грёзы. Клавдия, о, Клавдия! Её лик так и маячил перед глазами... Арнольд и Феликс недоуменно слонялись по двору, несколько раз пытались задавать какие-то вопросы, но Филатыч их игнорировал.

Кукушка, прихрамывая на левую ногу, выпрыгнула из окошка в ходиках и хрипло прокуковала шесть раз. Концерт начинался в семь, и Филатыч, кряхтя, поднялся. В горнице налил себе остывшего чаю, жадно выпил. Оделся в костюм Феликса (он был получше собственного) и его же полуботинки. Они немного жали, но не идти же в кирзовых сапогах!

– Оставайтесь здесь. Я приду позже, – как мог твёрдо приказал Филатыч команде и отправился к клубу.

Клуб всех желающих вместить не мог, поэтому концерт давали на летней эстраде при танцплощадке. Филатыч долго бродил зигзагами и кругами, пока не высмотрел Клавдию. Она стояла рядом с симпатичной женщиной лет двадцати и мужчиной. Рядом стояла детская коляска с близнецами лет полутора.

«Семья!» – догадался Филатыч, – «Внучка с мужем!»

Рядом с внучкой Клавдия смотрелась старшей сестрой, и Филатыч снова поразился, как такое может быть. Почувствовав его взгляд, Клавдия обернулась, и в её глазах мелькнуло что-то неуловимое, похожее на жалость или тоску. Однако, в следующий момент она приветливо предложила:

– Присоединяйтесь, Иван Филатыч! Сейчас будут начинать.

Познакомившись с Натальей и Николаем и показав близнецам «козу», Филатыч придвинулся к Клавдии поближе. Ему ужасно хотелось взять её за руку...

Концерт был добротный: и певица, певшая советские песни под аккордеон, и фокусник, достававший живого кролика из совершенно пустой шляпы, и... ну, ты знаешь, Читатель, видел, небось, концерты.

Ближе к концу Филатыч решился и осторожно взял Клавдию за руку. Рука была тёплая, мягкая, нежная. Клавдия, взглянув на него с тем же странным выражением, подмеченным ранее, мягко отняла руку. Филатыч загрустил.

После концерта сбивчиво попрощался и провожать не пошёл. Захотелось напиться.

– Слышь, друг, – тронул он за рукав проходящего мимо селянина, – Где тут у вас можно выпить купить?

– А, товарищ, это тебе к бабке Михайловне надо! – охотно поделился тот сакральным знанием, – Во второй проулок налево свернёшь, тама восьмая изба по правой руке, ещё забор у ней покосился. Постучишь три раза, скажешь пароль. Она тебе бутылку и продаст. Самогонку.

– Спасибо. А пароль-то, какой?

– Сам придумай! – засмеялся довольный своей шуткой мужик.

Нужный дом нашёлся легко. Стукнув трижды в окошко, Филатыч негромко позвал:

– Эй, хозяйка! Михайловна!

Скрипнула дверь. На пороге стояла древняя старуха в платке по самые брови.

– Что, касатик, выпить охота? – прошамкала она беззубым ртом.

– Да...

– Ну, заходи!

Филатыч шагнул в тёмные сени. Свет в горнице заставил его на миг зажмуриться, а когда глаза привыкли к свету, то...

Он обалдел! Старуха была сильно похожа на Клавдию! Тот же овал лица, те же глаза, хотя и выцветшие, тот же нос и подбородок... Бабка, тем временем, достала из буфета бутылку из-под шампанского, заткнутую деревянной пробкой.

– Вот, держи! Два рубля с тебя, касатик!

Как замороженный, Филатыч медленно протянул деньги и взял бутылку.

– Вы...

Слова застредали в глотке, пришлось откашляться.

– Вы на Клавдию Михайловну Голицыну... сильно похожи...

Старуха зорко взглянула из-под кустистых бровей:

– Погоди-погоди, касатик! – она всмотрелась в лицо посетителя попристальнее, – А! Понятно! Втюрился, врезался, влюбился!

Филатыч повесил голову.

– Эх! Угораздило же тебя! – посочувствовала Михайловна, – Ей же нонешним летом восемьдесят стукнет!

– Но... – робко подал голос Филатыч, – Она, ведь... это...

– Ага, на столько не выглядит, – ухмыльнулась бабка, – А знаешь, почему?

Филатыч не знал, конечно. Михайловна махнула рукой:

– Садись за стол, расскажу тебе сказку.

С удивительным для её возраста проворством она собрала закуску: сало, солёные огурцы и варёную в мундире картошку. Отрезала несколько кусков хлеба. Поставила на стол две стопки.

– Выпью с тобой маленько для связки слов.

Филатыч налил в стопки самогонку, украдкой понюхал: хорошая, из пшеницы.

– Ну, со свиданьем!

Бабка лихо опрокинула свою и занюхала горбушкой. Затем, прикрыв глаза, начала:

– В давние времена, при царях ещё, жили-были в Санкт-Петербурге две барышни, Лидия да Ксения. Отец ихний, генерал, богатство имел немалое, так что девочки ни в чём отказу не знали. Всё у них было: и куклы фарфоровые, и наряды шелковые, и камни самоцветные, и книги. Некоторые с картинками, другие просто умные. И даже клавесин имелся, на котором они в четыре руки играли. Закончили сёстры гимназию. Выросли красавицами, да такими, что художники в очередь становились с них портреты писать. Вошли в возраст, да только думали не о замужестве (а женихов было хоть отбавляй!), а о том, чтобы народу пользу принести. Стар-

шая, Лидия, курсы фельдшерские окончила, а младшая, Ксения – учительские. И поехали они на Север, в глухомань онежскую. В деревне поселились. Ксения стала в школе служить, детишек грамоте да арифметике учить, а Лидия больничку на собственные деньги построила и оборудовала, да народ лечить принялась бесплатно. Селяне со всего уезда в ту больничку лечиться приходили. Так год прошёл, и другой миновал. Приезжал к ним папаша-генерал, корил за безмужие. Они уж и сами были рады замуж выйти, да не было им ровни в деревне, а дело налаженное бросать не хотелось ни той, ни другой. И вот, однажды, пошли они в лес за ягодами. Собирают малину, радуются, что много её, что крепкая да сухая уродилась. Известно, коли летом дождей мало, то и малина сухая, для варенья подходящая. И вдруг слышит Лидия: вскрикнула Ксения, а потом, вроде, большие крылья захлопали. Кинулась, да только и нашла, что туесок с ягодами. А Ксения пропала. Сколь не искала девушка сестру, так и не нашла. Прибегала она в деревню, кликнула людей, о помощи стала просить, да только, когда рассказала про крылья, сразу все посмунели, глаза отвели и в лес идти нипочём не захотели. Не, говорят, не пойдем. Это, не иначе, как Змей Горыныча дела. Он иногда девиц похищает, а для чего – неизвестно, пропавшие никогда не возвращались. Выслушала всё это Лидия, загорюнилась. Знать, не видать ей более родной сестры! Отписала отцу-генералу: так, мол, и так, пропала ваша дочь Ксения в лесу дремучем. Тот приехал с ротой стрельцов, на старосту Варфоломея орал и ногами топал. Всех в лес выгнал! Искали Ксению неделю, да так и не нашли. А через год сама вернулась! Рассказала сестре под большим секретом, что унёс её тогда Змей Горыныч за леса, за моря, за высокие горы и в пещеру посадил. А в пещере-то, как во дворце княжеском: на стенах ковры да картины, в шкапах посуда золотая да серебряная, в сундуках наряды шелковые да парчовые, в спальне кровать с лебяжьей периной и балдахином, звёздами изукрашенным! Молвил Змей Горыныч: будь моей гостьей, красна девица, да наведи здесь порядок. И улетел. Оклемалась Ксения, слёзы вытерла, осмотрела пещеру. И кухня нашлась с печкой, и ледник, и шкаф с провиантом! А из стены родничок журчит. Прибралась Ксения, пол подмела, пыль вытерла, посуду грязную перемыла да по местам расставила. День живёт в пещере дивной, другой... Все наряды перемеряла, но все равно скучать начала. На третий день глядь: гость появился! Юноша. Ликом прекрасен, волосом кудряв, плечи широкие, пальцы длинные, тонкие. Одежда вся златом-серебром расшитая. А в руках гусли! Здравствуй, говорит, девица-красавица! Я – Замей, по прозванию Горюнич. А тебя как звать-величать? Назвалась Ксения. Замей молвит: вижу, скучаешь ты, Ксения, так я скуку твою расскучаю! И принялся на гусли играть, да так-то ловко! То плясовую музыку, то марш военный, то песенную. Не удержалась Ксения, запела песню. А потом и другую, уже с Замеем, на два голоса. А потом и третью... Притомилась, присела передохнуть. А Замей ей кубок вина сладкого подносит: выпей, освежись! Выпили они, Замей сел поближе, начал сказки да истории всякие рассказывать. А голос-то нежный, вкрадчивый. Размякла Ксения! А он уж её за руку взял, по щеке погладил. Закружилась у девушки голова... Соблазнил, короче, прекрасный юноша генеральскую дочь! Сорвал цветочек аленький, который, вообще-то, не для него растили и холили. Ну, да сделанного не поправишь, честь девичью не воротишь! Поплакала Ксения, да и уснула. А утром прилетел опять Змей Горыныч и спрашивает: нагостилась, девица-красавица? Говори, куда тебя отнести? Могу в галльскую Лютетию, могу в Константинополь али Египет. В любое место доставлю! Подумала-подумала Ксения: куда же, как не домой? Неси меня, говорит, туда, где подобрал. Нет, лучше в город, в Петрозаводск. Мне там нужно и книги купить, и платье... Я туда сама давно собиралась. И отнес её Змей Горыныч в Петрозаводск. Высадил на окраине. Прощай, девица-красавица, не поминай лихом! И улетел. А Ксения пошла в магазин, новое платье купить, а то на пещерный наряд люди с сомнением косятся. И то, сказать, не носят такое, не по моде, хоть и красивое. Приказчик расстарался, целый ворох нарядов наташил. Меряет Ксения: мало! Другое – тоже мало! И в бёдрах узко, и в груди, и в талии тесно. Глянула на себя в зеркало: точно, изменилась фигура! Нету девичьей стройности, а вместо неё бабья дородность! Подо-

брала, всё-таки платье, хоть и не такое, какое сначала хотела, в соседней лавке книги нужные купила, да и поехала в свою деревню.

Выслушала сестру Лидия, подивилась. Давай, говорит, осмотрю тебя. Осмотрела: матка рожавшая, из груди при нажатии молоко выделяется. Объясняет: родила ты, сестрёнка! Ахнула Ксения: да как такое может быть? Один-единственный раз согрешила, а наутро меня Змей Горыныч домой отнёс! А Лидия: как-так, наутро? Целый год тебя не было! И календарь показывает. И осталось непонятно, куда дитя девалось, и как за одну ночь целый год пролетел.

А ещё через год посватался к Ксении офицер военный! Дети родились, потом внуки... Только время Ксению не берет, ни морщины на лице не прибавляет, ни спину не гнёт, ни силу не умаляет. Повзрослела немного – это да!

Бабка замолчала и выпила ещё стопку. Филатыч сидел истуканом, переваривая услышанное. Вечная молодость! Магия? Наверное... В нём проснулся разведчик. Обследовать бы эту Ксению, то-есть Клавдию, анализ крови взять... ну, ещё чего-нибудь... кожи кусочек под микроскопом поисследовать... Только как?

– А Лидия... вышла замуж? – спросил он, скорее из вежливости.

– Нет, – мотнула головой бабка, – Так и осталась в девках...

Филатыч попрощался и ушёл. Пьянствовать расхотелось, но, уходя, скуповатый византиец забрал остатки самогонки, ибо уплочено. Из сказки он вынес важную информацию: Змей Горыныч существует, по крайней мере, существовал совсем недавно – это раз! Он обладает разумом, да не зачаточным, а полноразмерным – это два! Может перемещать человека во времени – это три! Имеет (имел!) сообщника-человека – это четыре! Секретная база-пещера – пять! Если даже только эти факты доложить, то на немалую награду можно рассчитывать!

Придя домой, застал Феликса и Арнольда за дракой подушками.

– Отставить! – гаркнул Филатыч, снова обрета присутствие духа, – Всем спать! Подъём в пять ноль-ноль!

– Есть, командир! – отозвались шалуны и погасили Лампочку Ильича.

Утром отправились на Горелое Болото. План был такой: выследить группу Царевича, но близко не подходить, следить издали, тем более, что Волк может учуять и атаковать. Конечно, его было желательно ликвидировать, но как? Если подстрелить из снайперской винтовки, то Иван сразу догадается, что это дело рук агентов имперской разведки. Отравить тоже не получится: Волк умный, подозрительную пищу есть не станет. Был в арсенале Филатыча маленький пистолет с отравленными пулями, но для того, чтобы стрелять наверняка, необходимо было подкрасться к цели хотя бы на двадцать шагов, а Волк учует и услышит раньше.

– А когда убедимся, что они с добычей, то сотрём обоих и уйдём в Константинополь!

Арнольд с Филиппом энергично покивали.

Ходьба по болоту для городских жителей оказалась тяжелым занятием. Только Филатыч, тренированный и закалённый ветеран тайной войны, шёл легко, ловко прыгая с кочки на кочку, несмотря на тяжелый рюкзак и чемоданчик с винтовкой. Арнольд же и Феликс пыхтели, потели, ругались и часто проваливались по пояс. Следы Царевича и Волка, впрочем, определялись вполне отчётливо, несмотря на трёхдневную давность. То отпечаток сапога на кочке, то примятая, а то и вырванная с корнем осока, то сломанная ветка. К вечеру вышли на поляну, где ночевал Иван. Удовлетворённо крикнув, Филатыч решил ночевать здесь же.

Утром, внимательно осмотрев место стоянки, нашли следы сапог, судя по небольшому размеру – женских.

«Откуда бы здесь женщине взаться? Может, случайно?»

Но следы присоединились к Ивановым. Стало быть, дальше они шли вместе! Это усложняло задачу. Одно дело ликвидировать Ивана и Волка, и совсем другое – ещё и постороннюю женщину. План нуждался в переработке.

Группа Ивана причудливыми зигзагами двигалась к месту дислокации Змея Горыныча. Илья вёл уверенно, без колебаний выбирая тропу. Осколок тоже подтверждал правильность направления.

– Далеко ещё? – пропыхтела Рогнеда, сильно притомившаяся за четыре часа, миновавшие с последнего привала.

Ей было нелегко держать темп: попадать след-в-след удавалось с трудом, ибо мужчины шли слишком размашистым шагом. Приходилось семенить, что приводило к неоднократным проваливаниям в болото по самые... ну, в общем, мужчинам по пояс.

Илья отрицательно мотнул белобрысой головой:

– Не! Во-он ту сосну видишь? Тама он, на поляне.

Упомянутая сосна возвышалась на довольно большом островке в паре километров на север, но до неё пришлось добираться более часу. Потому, что кружным путём. Волк приказал всем оставаться на месте и осторожно зазмеился сквозь высокую траву. Иван стоял с Атасом наизготовку. Илья – с суковатой полутораметровой дубиной, вырубленной накануне из комля молодого дуба. Иван попытался её поднять, но только и смог, что оторвать от земли. Юный же богатырь легко вертел её одной рукой.

Минут через пятнадцать до них донесся голос Волка:

– Идите сюда!

Все трое (четверо, если считать Осколка в коробе) поспешили на зов.

На поляне они увидели подобие шалаша из которого периодически выпархивали небольшие клубы дыма, а при звуке шагов затем высунулась голова на длинной худой шее.

– Как поживаешь, уважаемый? – вежливо поздоровался Иван, – По добру ли, по здорову?

На инструктаже ему рекомендовали называть ящера уклончиво и безлично, чтобы не обидеть нечаянно. Мало ли, как он сам себя называет?

В ответ сначала раздался кашель.

– По добру, да не по здорову, – хрипло, с одышкой, ответил легендарный монстр и снова закашлялся.

Зашуршали раздвигаемые ветки, и он вылез на поляну. Был он тощий, аж все рёбра торчали сквозь шкуру. Сложенные на спине крылья были покрыты какими-то лишаями. Все четыре лапы дрожали и подгибались. А ещё от него воняло, как от падали.

«Болеет животное!» – растерянно сообразил Иван, стараясь дышать ртом.

– Главный кто? – требовательно пыхнул дымом реликт.

– Я... Курсант второй роты третьего курса Ленинградского имени Василия Ивановича Чапаева ордена Боевого Красного Знамени Высшего Командного Стрелецкого Училища Царевич Иван!

– Ага... А я – Замей Горюнич. Фамилия такая.

«Из белорусов, что ли?» – прикинул Иван, но тут же отверг эту догадку, как сомнительную.

– Значит, так, курсант Царевич, – продолжал Замей, – Смекаю я, что не просто так ты здесь со своей командой оказался.

– Да мы, это... – сбивчиво забормотал Иван, – Мимо шли... гуляли, типа...

– Ой, вот только не надо врать! Меня вы искали, вон, у вас и знакомый камень говорящий в суме, и белобрысый, с которым мы намеренно встречались.

Замей тяжело вздохнул, выпустив облачко вонючего дыма:

– Короче, сдаюсь! Тащите меня к своему начальству... Может, вылечат, а то болею я шибко.

– А чем? – полюбопытствовала Рогнеда, храбро высунувшись из-за Ивановой спины.

– Эх, кабы знать, чем! Всё уже перепробовал, ничего не помогает... – понурился ящер.

– Ничего, в городе разберутся! – обнадёжила его Рогнеда, – Советская медицина лучшая в мире, потому, что бесплатная.

Волк приблизился и обнюхал больного.

– Точно сказать не могу, но налицо нарушение обмена веществ! Дай ему Мёртвой Воды, Ваня.

– А сколько?

– Ну... сто граммов!

Взяв налитый в кружку медицинский напиток Замей принялся:

– Вода и вода... Чего вы сюда намешали?

– Это Мёртвая Вода! Волшебная. Раны заживляет, обмен веществ восстанавливает и вообще... – популярно объяснил Волк, – Пей, не сомневайся!

Замей, пожав плечами, от чего слегка растопырились крылья, выпил и рыгнул, ибо из пасти сразу повалил пар.

– Вроде легче... – сдавленно просипел ящер, – Источник-то, небось, как всегда, за три-девять земель?

– Нет, её на Саратовском живомёртвоводокомбинате делают, – прочитал Иван надпись на этикетке, – Магия!

Илья, пока суд да дело, нарубил дров, ибо время было уже давно обеденное, и запалил костёр. Затем, подобрав несколько камней, отошел вглубь островка и скоро вернулся, неся двух глухарей.

– Ну, ты добытчик! – восхитился Волк, – Только две птички на всех маловато будет!

Илья почесал в затылке:

– След кабанов видел... Может, кабанчика возьмём, а, Серый? Ты его выгони на меня, а я дубиной и приложу!

Они ушли в чащу и через десять минут оттуда донёсся сначала грозный хрюк, а потом удар.

– Свинка, – довольно осклабился Иван, увидев принесенную Ильёй добычу, – Замей! Ты свинину будешь?

– Почему нет? Чай, не мусульманин! – удивлённо отозвался тот, – Щас, свинью опалить же надо. Ну-ка, отошли все!

Из пасти вырвалась струя пламени. Небольшая, как из паяльной лампы. Шерсть вспыхнула.

– Переворачивайте! – скомандовал специалист.

Тушу перевернули и процедура повторилась. Свинью разделали и зажарили на костре. Замей ел мало, как бы через силу. Волк и Илья, наоборот, лопали от души.

– Не надо откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня! – пошутил Волк, обгладывая голяшку.

– Ага, а есть надо чаще, но помногу! – сыронизировала Рогнеда.

– Могий вместити да вместит! – рыгнув, подытожил Иван.

Илья, приняв сказанное всерьёз, отрезал себе ещё кусок. Молодой растущий организм!

После обеда решили, что заночуют здесь, а завтра отправятся в обратный путь. Замей улегся в позе сфинкса и слегка пошевеливал крыльями.

– Слежались маленько, проветрить надо, – пояснил он, – а то плесень одолевает.

Иван, лёжа на спине и устремив взор в небо, соображал, как добраться до Петрозаводска, чтобы сохранить Замея в секрете. В самом деле, как? Не в мешок же его засовывать...

– Илюша! А далеко твой баркас?

Юный богатырь, икнув, ответил сонным голосом:

– Три дня ходу...

Позвав товарища Серого, Иван объяснил план возвращения:

– Грузимся в Илюхин баркас и плывём в Петрозаводск. Там я высаживаюсь и выхожу на связь с Центром по Серебряному блюдечку. А дальше уже их дело, как Замяя в Ленинград скрытно эвакуировать! Может, даже, ковёр-самолёт пришлют!

Волк щёлкнул зубами, ловя блоху.

– А почему в Петрозаводск? До деревни же ближе?

– Э-э, там связь с городом только через коммутатор и спецканала нету. Конспирация нужна, сам понимаешь, а оператор в ней лишний. А в городе я прямо в комендатуру... Да и скрытно высадиться в городе удобнее.

– А участковый? У него же спецканал есть?

– Контакт с участковым не санкционирован, у него допуска нет.

На том и порешили.

Рогнеда, выкатив на свежий воздух Осколка и подложив его под голову (на нём была очень удобная ямка!), лежала в кокетливой позе: на боку, оттопырив попу, пытаясь, таким образом, завлечь Ивана, а то он в последнее время вел себя с ней довольно прохладно. Вот и сейчас даже внимания не обратил! Вскоре ей стало скучно.

– Товарищ Горюнич! Рассказал бы что-нибудь девушке, развлёк, как бы! – слегка капризным голосом попросила она Замяя.

– Да что рассказать-то?

– Ну, хоть сказку...

И чудо природы, прокашлявшись и выпустив клуб дыма, принялось за повествование.

Глава пятая

– Давным давно, когда в небе ещё плавало две луны, людей было мало, не то, что нынче. Они кочевали по бескрайним равнинам и лесам, и жили в землянках, пещерах и шалашах. Одно небольшое племя долго шло на север, преследуя огромные стада зубров. Иногда охотникам удавалось убить отставшего зубра, и тогда все пировали целую неделю, а из шкуры шили тёплую одежду тем, кто больше всех в ней нуждались. Однако могучие зубры – тяжёлая добыча! Если охотники приближались к стаду, то самцы вставали в круг и угрожающе опускали рога. Очень было трудно к ним подобраться, чтобы поразить копьём! Самые могучие охотники могли метать тяжелое копьё на пятьдесят и даже на шестьдесят шагов, но шкуру зубров можно было пробить только шагов с десяти-пятнадцати, а так близко подступить не удавалось, ибо могучие звери бросались в атаку и норовили забодать или растоптать охотников. Шаман племени, Мамонт, получивший своё имя за огромную силу и выдающуюся мудрость, много лун придумывал оружие, которое могло бы поражать дичь с безопасного расстояния. И после долгих медитаций он изобрёл лук и стрелы! Лук бросал стрелу на двести шагов, а после усовершенствований (композитные материалы, обратная изогнутость плеч) и на триста! Но стрела намного легче копья и, даже сделанная из твёрдого дерева, обожженного для прочности острия, пробить шкуру может с трудом. С наконечником из кости дело пошло немного лучше, он вполне годился для мелкой дичи. Тем не менее, нужен был принципиально новый материал, присадистый, острый и тяжелый.

В конце весны племя пришло в долину, лежащую между невысоких гор. Камень, камень, кругом камень... Камень! Мамонт взял один и ударил о другой. Камень раскололся, и край получился острый! Долго, целых две луны шаман испытывал разные камни, пока не нашел нужный: он раскалывался на пластинки из которых получались отличные острые и тяжелые наконечники для стрел и копий! Шаман назвал камень Кремнем, ибо пробивная сила оружия увеличилась многократно! Теперь охотники с безопасного расстояния в пятьдесят и даже в восемьдесят шагов поражали зубров, пронзая стрелами их сердца. Наступило изобилие! Мяса, жира и шкур хватало на всех, люди ели досыта, толстели и славили Мамонта. Из избытка шкур они научились строить переносные шатры-чумы, натягивая их на каркас из жердей. Кстати, рубить деревья каменными топорами оказалось совсем легко (раньше, чтобы свалить дерево, даже не очень толстое, приходилось его резать острой костью много дней или пережигать).

Прошло много лун, снова наступило лето. Мамонт, обстукивая молоточком очередной кремь, задумался: при ударе часто рождались искры, совсем такие же, как вылетающие из пламени костра. А что, если...? Он положил рядом с кремнем трут. Удар, ещё удар! Две искры упали на трут и он затлел! Шаман приложил бересту, осторожно подул – и родился огонь! Быстро! А раньше, для того, чтобы добыть огонь, нужно было тереть две сухие палки с полудня до заката! Вечером он продемонстрировал новое умение всему племени. Люди славили Мамонта и пили в его честь напиток из мухоморов, веселящий сердца.

А ночью Мамонту приснился странный сон: стоит захотеть – и изо рта у него вырывается язык пламени! А ещё у него лапы с когтями и крылья! Он взмахивает этими крыльями и поднимается в воздух, летит! Всё выше и выше, сквозь облака, которые оказались простыми клоунами тумана. Ой, не стукнуться бы о небесный свод! Земля внизу выглядит странно: перевернутой чашей. Деревья – как трава, озеро – как маленькая лужица. А вон стадо каких-то мышей... Это же зубры! Сложив крылья, шаман камнем падает на спину одного из них, хватается его лапами и поднимает. Зверь отчаянно ревет от страха...

Сон прервался. Мамонт встал с ложа и вышел из чума. Прохладный ночной ветерок ласково погладил и освежил вспотевшее чело. «Всё, что мы видим во сне, или можем выдумать

бодрствуя, может быть осуществлено, так или иначе! Я буду плести заклинание, чтобы превратиться в Огненосного Дракона!» – твёрдо решил шаман.

И принялся за работу. Когда прошло столько зим, сколько пальцев на руках у мужчины, заклинание было готово. В самую короткую ночь лета Мамонт на рассвете вышел обнаженный на берег озера. Дождавшись, когда первый луч зари окрасил небосвод в цвет лепестков шиповника, а озеро в малиново-алый, он вскинул руки и, глядя на солнечный диск, принялся громко произносить слова заклятья. Люди пугливо жались друг к другу, а дети плакали, ибо почти все слова были грозны и непонятны: шаман выдумал их сам. Солнце поднималось всё выше и выше, а странные слова всё лились из уст мага. Лишь с последним лучом уходящего дня затих и последний звук заклинания. Воздух сгустился, и потрясённые люди увидели вместо своего шамана могучее тело невиданного, наводящего ужас существа с широкими крыльями и когтистыми лапами.

– Я – Огненосный Дракон! – прогрохотал монстр, испуская из пасти струю огня.

Медленно и плавно он поднялся в вечеряющее небо. Все люди пали ниц, ибо ноги не держали от ужаса.

Замей замолк и жадно припал к воде.

– В глотке пересохло, – прокомментировал Осколок, – А дальше-то, что было?

– Это всё. Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец, – пробурчал Замей, рыгнув.

Уклонившись от облачка вонючего пара, вылетевшего из пасти, Рогнеда запальчиво воскликнула:

– Как это, всё? А семья? А дети? Так и жил, что ли, бобылём до самой смерти?

Огненосный Дракон совершенно по-собачьи почесал задней лапой бок:

– Ну... семьи, конечно у него не было, а, вот, дети были.

– Так, расскажи! – хором потребовали Осколок и Рогнеда.

– Когда ему приспичивало, он девушек красивых похищал...

– Фу! – скривилась Рогнеда, – Насильник, значит!

– Не насильник, а... э-э... соблазнитель, – ворчливо принялся объяснять Замей, – Он девушек в укромное место уносил, а потом в юношу превращался. Ну, и... соблазнял! Они потом рожали, а Горюнич мальчиков воспитывал.

– А девочек? – живо поинтересовался Осколок, опередив уже открывшую рот Рогнеду.

– А девочки не рождались. Они в заклинании не были предусмотрены.

– Подожди-подожди! – возбуждённо встряла Рогнеда, – А мальчики что? Они потом к людям возвращались?

Замей снова почесался, на этот раз продолжительнее. Ругнулся:

– Блин! Экзема проклятая! Так и инфекцию в расчёсы занести недолго!

– Так что насчёт мальчиков? – поднажал Осколок.

– Что, что... Они тоже Огненосными Драконами становились.

– Интересно... То дракон, то человек... – протянула задумчиво Рогнеда.

– Не дракон и не человек. Рептилоиды мы, понятно? Совершенно новый вид.

Все ненадолго замолчали. Замей снова попил водички. Рогнеда села, подтянув колени к груди. Осколок едва слышно вздохнул: ему нравилось тепло девушки и пушистость её волос. «Ничего, ночью снова придёт, я ей под головой и удобен, и приятен!»

Рогнеда навскидку выстрелила в Замея крупнокалиберным вопросом:

– А ты можешь человеческий облик принять, в смысле, прямо сейчас?

Любопытство полыхало в глазах и голосе девушки, как пожар в пампасах.

– Нет. Во-первых, мне сейчас не надо. Во-вторых, вам всем голый больной парень не понравится. В-третьих, это силу отнимает, а я и так слабый.

– Не надо? – не поняла Рогнеда, – Чего не надо?

– Ой, я же объяснил! Меняю облик, только когда женщину хочу! В смысле, девушку. А сейчас не хочу! Не до них мне.

Рогнеда покраснела и замолкла. Ей сделалось неловко от такого откровенного заявления. Да и голых парней она стеснялась, хотя и не видела никогда. Замей Горюнич утомлённо прикрыл глаза и свернулся в кольцо, касаясь мордой хвоста.

Филатыч, устроившись в кроне сосны, повёл биноклем, тщательно осматривая местность по секторам. Группа Царевича была, судя по следам, очень близко. «Даже не стараются конспирацию соблюдать! Прут, как буйволы, напрямик, даже какашки свои не закапывают. А, с другой стороны, зачем им прятаться? У них Волк есть. Сразу учует чужого. Интересно, кто этот третий с ними?». След присоединившегося к группе Ильи он обнаружил ещё вчера и поразился размеру обуви. Ветерок переменял направление и донёс запах дыма и жареной свинины. Совсем близко! Рот наполнился слюной, ибо всё это время Филатыч и его помощники питались амброзией (универсальная компактная еда, производившаяся в Византии для спецвойск и разведки). В меру сытно, но невкусно! Тем более, что огонь из соображений конспирации не разжигали, лопали всё в холодном виде и запивали холодной же водой. Воду обеззараживали спецтаблетками, и она мрачно воняла хлоркой, но деваться некуда: пить необходимо, а болеть дизентерией не хотелось.

На соседнем острове, метрах в трёхстах, что-то мелькнуло. Филатыч навёл бинокль: есть! Человек с непокрытой седой головой, оглядевшись, уселся на корягу и... Филатыч подкрутил резкость и чуть не свалился с сосны: человек, зажав коленями зеркальце, выдавливал прыщ на лбу! А затем и ещё один! Вот это да! Стало быть, молодой и зеленый альбинос... Случайно к группе прибился, не иначе. Из кустов к воде шагнул Иван, белобрысый сконфузился, торопливо спрятал зеркальце и вскочил. Византиец путём сравнения величин их фигур понял, что альбинос – богатырь. Блин, ещё и это! План операции затрещал по швам. Трое – это уже толпа! И Волк... Но почему они застряли на этом острове? Рискую сверзиться, Филатыч принялся карабкаться выше. Ветки под ним гнулись и трещали, но он упрямо лез, пока не достиг вершины. Оттуда удалось разглядеть полянку с догорающим костром, девушку и какую-то бесформенную кучу не то камней, не то коряг. Тут на полянку вышел Волк и куча шевельнулась! С замиранием сердца Филатыч рассмотрел голову на длинной шее и дымок из ноздрей. Змей Горыныч! Иван и его группа вступили с ним в контакт! И будут добывать яйца! Правда, непонятно, как они уговорят дракона добровольно их отдать. Что можно ему посулить взамен? Неужели, силой возьмут? А что, застрелить или усыпить – и забрать кладку!

Филатыч медленно слез с сосны. Ухмыльнулся: «А влез такой загадочный! А слез такой задумчивый!». Со Змеем Горынычем было много неясного. Припомнил первую сказку: там Змей хотел забрать девушку... куда? Если бы не бабка, превратившая Настю в лягушку... Верить в это превращение или нет – вопрос второстепенный. Проблема в другом: для кого девушка была предназначена? Во второй сказке есть ответ: для сообщника-человека. Но зачем? С какой стати вообще какой-то сообщник? И пещера с сокровищами... Кстати, за всей суетой так и не выяснили насчёт самки-драконихи: какая она, где находится, как часто яйца кладёт. Должна же быть самка? Или Змей однополый? Всё это можно было узнать только допросив сам объект разработки. Что ж, подождём ухода группы, а когда Змей останется в одиночестве попытаемся с ним побеседовать.

Утром угрюмый, невыспавшийся из-за Рогнеды Иван (она ночью привалилась к нему упругой грудью и нечаянно положила руку на его... ну вы поняли, на что!) принялся готовиться к походу восвояси. Для Горюнички пришлось построить волокушу, ибо летать он не мог, а ходил с трудом. Несмотря на употреблённую Мертвую Воду, легче ему стало ненамного. А, может, доза была неадекватная!

– Ничего, до города доберемся – вылечат тебя! – пообещал Волк, – Ёжиков, и тех лечивают! Или взять меня: в шестьдесят втором отравился боевыми газами, взводный думал, что хана мне, хотел бросить. Но бойцы не согласились, дотащили до медсанбата.

– И что? Вылечили? – одышливо поинтересовался Замей.

– А то! Правда, вся шерсть выпала, полгода голым ходил...

Рогнеда представила голого Волка и, не удержавшись, фыркнула.

– Где это тебя газами-то траванули? – с интересом спросил напарника Иван.

Волк строго постучал хвостом:

– Не могу сказать, сам понимаешь!

Однако, при этом выразительно скосился на запад. Иван догадался: спецкомандировка за рубежи Родины!

После завтрака (остатки вчерашней свинины, приправленные побегами папоротника) могучий Илья взялся за волокушу и пошёл в одному ему известном направлении. Рогнеда нагрузилась коробом с Осколком. Волк трусил впереди, осуществляя разведку, Иван замыкал шествие с Атасом наперевес. Наблюдавший всё это в бинокль Филатыч длинно и витиевато выругался по латыни. Значит, они Змея Горыныча завербовали! М-да, ситуация! Он теперь яйца будет нести для Советского Союза сколько потребуется!

Из-за тяжёлой волокуши (Замей весил килограммов триста) маршрут приходилось выбирать отнюдь не прямой, но, как выразился товарищ Серый: «Кривой дорогой ближе». К полудню, пройдя не менее двадцати километров, приблизились к цели только на семь (Иван высчитал по ориентирам). Расположились на полянке. Рогнеда пошла собирать валежник для костра. Волк исчез в кустах, буркнув:

– Я на охоту.

Иван, подсев к растянувшемуся в траве Илье, достал карту, на которой Горелого Болота не было:

– Слушай, вот моя деревня. Покажи, где баркас?

Илья, в карте не ориентировавшийся, тем не менее вполне связно объяснил принцип, согласно которому он надеялся достичь баркас.

– По приметам, значит. После обеда пойдём чуть левее во-он того островка с тремя соснами. За ним ещё один будет, там и заночуем. Не волнуйся, не заблудимся.

Иван согласился. А что ещё оставалось? Конечно, двигалась экспедиция медленно, но, с другой стороны, куда торопиться? Еда есть, вода есть. На задание отпущен целый месяц, а они меньше, чем за неделю, цели достигли!

Через полчаса вернулся Волк, неся в зубах здоровенного зайца.

– Это вам!

Иван пригляделся, сказал с улыбкой:

– О, товарищ Серый! Рыльце-то у вас в пушку!

– Ну! Я другого зайца сам употребил!

Длинноухого выпотрошили и насадили на вертел. Задумчиво глядя на язычки пламени, перепархивающие по углям, Рогнеда вздохнула:

– Эх, к этому зайчику, да макарончиков!

– А это что? – живо спросил Осколок.

– Ну... макароны они и есть макароны! Трубочки из сушёного теста, как бы... Их в кастрюле варят, – несколько растерянно объяснила девушка.

– Ты можешь эти макароны отчётливо представить или вспомнить?

Рогнеда зажмурилась и напряглась так, что аж покраснела.

«Как бы не обкакалась!» – забеспокоился Иван, но промолчал.

– Сканирую... сканирую... достаточно! – объявил Осколок.

И произошло такое, что все хором охнули: на полянку плюхнулась неизвестно откуда возникшая картонная коробка. Этикетка гласила: «Макароны „Любительские“. Сорт высший. ГОСТ №3891011. Ордена Трудового Красного Знамени макаронная фабрика „Красная макаронина“ им. Клары Цеткин, г. Красный Елец. Вес нетто 10 кг»

– Ой! Такие у нас в Сельпо... на развес... – ойкнула Рогнеда.

– Телепортация! – с важным видом прокомментировал Волк, – Ну, типа «Скатерти Самобранки».

– Здорово! – восхитился Иван, – Слышь, Осколок, а ты только макароны можешь?

– Я много чего могу, – уклончиво мурлыкнул говорящий камень, довольный произведенным эффектом, – Только не всегда. Во-первых, мыслеформа нужна чёткая, ну, представление об объекте, во-вторых – наличие объекта в радиусе действия моих рецепторов.

Иван задумался. Ничто не возникает из ничего! Значит...

– Ты где их взял?

– Со склада в деревенском магазине, – признался Осколок, – А что? Высший же сорт!

– Дело не в этом, – вздохнул руководитель экспедиции, обремененный ответственностью за поступки подчинённых, – Заплатить за них придётся, а то у людей нехватка будет. Ладно, потом разберёмся. Рогнежка! Займись! Сама же выпросила!

Вскоре в котелке кипела вода и булькали макароны.

Филатыч вывихнул все мозги, пытаясь найти решение загадки, в смысле, как подобраться к группе и вступить в контакт с драконом. Было ясно, что его везут в секретный виварий-террариум КГБ для исследований. Там его не достать... Вступить в бой, положить всех? Решил, что перестрелять такую уйму народу вряд ли удастся: Волк при первом же выстреле спрячется, а потом выследит и глотку перервёт! А если с него начать, то Иван со скорострельным Атасом тоже скучать не даст. Да ещё этот, богатырь. Судя по всему, человек лесной, стало быть, может бесшумно подкрасться и голыми руками задавить! Э, зачем руками, вон, дубина у него, аж жуть берёт. Конечно, будь Арнольд с Феликсом вооружены... но винтовка только одна. Хитростью придётся действовать!

Хитрость выдумалась к вечеру. Если послать Феликса (он посмышлёней) сдать в плен? Понарошку, конечно.

– Феликс! Слушай приказ! – скомандовал Филатыч, подозвав этого наймита империализма, – Возьми пистолет с отравленными пулями и иди сдаваться в плен. Пистолет спрячешь не дойдя до лагеря. Объяснишь, что ты разведчик (и византийцы, и русские избегали употреблять слово «Шпион» как обидное), что следил за ними, но товарищи все потонули в болоте, в том числе и рюкзак с едой и туалетной бумагой. Два дня, дескать, назад. И ты, чтобы с голоду не помереть и в болоте не сгинуть, официально сдаёшься старшему группы, чтобы он тебя отвёл в КГБ. Тебя, скорее всего, свяжут. На этот случай вот тебе спецсредство, – он протянул Феликсу комочек не то замазки, не то пластилина, – Намажешь веревку, она через пять минут распадётся, как от кислоты. Для кожи безвредно. Прилепи на руку, выдашь за бородавку. А может, и не будут они тебя связывать. Короче, ночью подберёшь пистолет и всех застрелишь. Затем подашь условный сигнал, то-есть, залаешь по-собачьи. Мы придём и вступим в контакт с драконом. Всё! Вопросы есть?

На Феликса было страшно смотреть, так жалко он выглядел. На лице разлилась синюшная бледность, и выступили крупные капли пота. Руки задрожали крупной дрожью.

– Я... я не смогу, шеф! Убить... нет! – смятенно проблеял он, – Моя специальность наружка... или замок взломать, ну, по карманам пошарить... Я не умею! Я же не боевик!

– Ты что, отказываешься выполнить боевой приказ? – грозно нахмурился Филатыч, вложив в голос целую тонну металла.

– Я... да! Отказываюсь! Всё, что угодно, только не это!

– Да я тебя... – замахнулся Филатыч на съёжившегося горе-помощника, но одумался.

Можно, конечно, его в расход пустить, да потом отписываться замучаешься. Перевёл взгляд на Арнольда и догадался по его бледному виду, что результат будет такой же.

– Рапорт на вас подам! На обоих! – процедил начальник, сплёвывая в лужу крошку амброзии.

– А на меня-то за что? – робко квакнул Арнольд.

Филатыч не ответил. На дело придётся идти самому...

Глава шестая

В сгущавшихся сумерках Филатыч осторожно крался к лагерю противника, сжимая рукой в кармане смертоносный пистолет. Чтобы обмануть бдительного Волка пришлось обогнуть островок и двигаться против ветра. Запах! Византиец грустно подумал, что его, немытого, потного и перепачканного всякой болотной дрянью, запросто за сотню шагов учует даже человек. Хотя, с другой стороны, наоборот тоже верно? Он замер и принялся: ветер доносил вонь какой-то падали, запах дыма и варёных макарон (откуда у них макароны?), амбрэ мокрой волчьей шерсти и ароматный душок женского пота. Всё правильно! Костра не видно, уже прогорел. По ощущениям, он от лагеря уже всего шагах в сорока. О, даже разговор слышно, только слов не разобрать. Принятый час назад порошок для активизации ночного зрения наконец заработал в полную силу. Вот и подходящий куст... Пистолет в водонепроницаемой кобуре, заранее обработанный отбивающим запахом средством, аккуратно присыпан травой и хвоей. Вперёд! Через десятка полтора шагов он оказался в освещённом углями догорающего костра пространстве и, как бы жалобно, подал голос:

– Эй! Не стреляйте! Сдаюсь!

Иван, чертыхаясь и передергивая затвор Атаса, выскочил из палатки, больно наступив при этом коленом Рогнеде на поясницу. Ещё через пять секунд в поле зрения появился Серый с вздыбленной на загривке шерстью. Уже заснувший было Илья очумело вскинулся, ощупкой ища дубину.

– Ага, шпион! – прорычал Волк, – Ишь, подкрался, даже я не учуял!

Филатыч стоял смирно, подняв руки вверх на всякий случай.

– Руки вверх! – нервно скомандовал Иван.

– Да я и так уже...

– Оружие есть?

– Нету...

– Говорит, нету оружия, – зачем-то подтвердил Иван Волку, от растерянности, наверное.

– Мало ли, что он там говорит! Обыщи-ка его! – грозно рыкнул Серый, принимая, тем не менее, более мирную позу, – А ты, Илюша, дровишек в костёр подкинь!

Иван, закинув Атас за спину, приблизился к византийскому засланцу и принялся его неуклюже обыскивать. Филатыч прикинул, что можно было бы курсанта-стрельца треснуть лбом по носу, сорвать автомат и замочить всех, начав с Волка, но рисковать не стал.

Обыск результатов не дал, кроме перочинного ножа и затрёпанного паспорта на имя Ивана Филатовича Кеовина, 1922 года рождения, военнообязанного, холостого, прописанного в Ленинграде.

– Давай-ка, я тебе руки свяжу, господин шпион... Филатыч! – бдительно сообразил Иван вслух, – Рогнежка! Дай верёвку!

Принесенной верёвкой он тщательно обмотал запястья врага, заметив крупную бородавку между большим и указательным пальцем. «Вроде, раньше у него такой не было?» – засомневался Иван, но точно вспомнить не смог, хотя всего несколько дней назад, в поезде, три часа подряд эти руки раздавали карты и наливали пиво прямо перед его глазами.

– Садись к костру, допрашивать тебя будем!

Филатыч послушно сел, облокотившись спиной на пенёк и вытянув к огню уставшие ноги. Иван велел Рогнеде вести протокол. Допрос взял на себя Волк, как старший по званию.

– Имя?

Вопрос был несложный.

– Микаэлас Александриди, – бодро соврал Федотыч (зачем настоящее имя называть?).

– Звание? – продолжал выпытывать информацию Волк.

– Старший центурион.

– Это как по-нашему? – шепотом спросила Ивана Рогнеда, не упустив возможности слегка навалиться на плечо милёнка грудью.

– Это повыше капитана и пониже майора, – тоже шепотом объяснил тот и мужественно отодвинулся, дабы не поддаться искушению.

– На кого работаешь? – расширил тем временем тему товарищ Серый.

Филатыч вздохнул и понурился:

– Я на такой вопрос не должен отвечать. Военнопленный обязан сообщить только своё имя, звание и номер воинского подразделения.

– Военнопленным бы ты считался, если б вышел сдаваться в форме! – уточнил Волк и угрожающе щёлкнул пастью, подмигнув при этом Илье.

Тот понял намёк и принялся угрожающе махать дубиной.

Филатыч заёрзал, потом, как бы через силу, ответил:

– Я служу в Центральном Разведывательном Управлении Византийской Империи.

– Ого! – непроизвольно вырвалось у Ивана: это учреждение, как постоянно писали в советской прессе и вещали по Серебряному Блюдечку, «раскинуло свои омерзительные щупальца по всему Земному Диску»!

Волк покосился неодобрительно и строго постучал хвостом. Затем он обнажил клыки и надвинулся на переушника, добиваясь «момента истины».

– Задание?

– Меня убьют, если я расскажу... – прошептал Филатыч, опустив голову.

– Тебя убьют, если ты не расскажешь, – недобро пообещал Волк и замахнулся лапой.

Филатыч пугливо отшатнулся, аж слёзы на глазах выступили.

Иван не выдержал и громко сказал по-украински (чтобы враг не понял):

– Товарищ Серый! Зупынисть (остановись, укр.)!

– Шо: «зупынисть»? – отозвался Волк, припечатывая лапой муху

После довольно долгого молчания, нарушаемого лишь сопением Ильи, крутящего дубиной восьмёрки, допрашиваемый раскололся:

– Я должен найти Змея Горыныча и похитить его яйца. Случайно узнав, что вы тоже охотитесь за ним, я следил за вами, надеясь отнять добычу.

Всё это было чистой правдой! А зачем выдумывать лишнее враньё? Запутаться можно!

Волк переглянулся с Иваном. Вон оно как! Прямо, происки империалистов, как и предупреждал замполит неоднократно и настойчиво!

– А почему сдать решил? – спросил Иван, хотя это было уже не так важно.

Филатыч, поняв, что противник ему поверил и вот-вот расслабится, горестно развёл связанными руками:

– Группа моя, оба-двое, в болоте потонула третьего дня. А с ними все харчи и туалетная бумага... и карта. Прямо, гибель пришла! А жить-то хочется! Вот и решил я, что плен лучше смерти.

Сие вполне логичное и правдоподобное объяснение удовлетворило товарища Серого и Ивана. Оставив пленника одного, они отошли в сторонку посоветоваться.

– Придётся его с собой тащить, – вздохнул Иван, – Хотя и не хочется.

– Надо, Ваня, надо! – с металлом в голосе возразил Волк и процитировал ещё не снятый фильм «Белое солнце пустыни», – Потому, что долг революционный к тому нас обязывает.

– Связанный он нас сильно тормозить будет...

– А зачем его связывать? Достаточно только ночью. Днём навьючим его коробом с Осколком и макаронами. Да от меня и не убежит!

До них донёсся голос как бы оклемавшегося Филатыча:

– Гражданин начальник! Раз уж вы меня в плен взяли, извольте покормить! Положено!

– Ну вот, ещё и кормить его, – проворчал Иван с досадой, – Рогнежка! Дай ему макарон, что ли...

– Ага, не остыли! – подтвердила девушка, накладывая полную миску мучных изделий краснознамённой красноелецкой фабрики.

Федотыч не был голоден, а макароны, тем более, советские, не любил, но пришлось съесть всё, чтобы не заподозрили обмана. Ночь была тёплая, поэтому ему соорудили простенькое ложе из лапника, а накрыться ничего не дали: сами, дескать, страдаем недостатком одеял! Затем все заново разместились на ночлег. Иван с Рогнедой в палатке, в пяти шагах от них Илья (тоже на ложе из лапника, но с одеялом), а Волк у него под боком – для компании и тепла. Византиец всё это тщательно запомнил.

Время позднее, а день был длинный и утомительный. Все, повозившись, постепенно погружались в сон. Уснули Илья и Иван, уснул и Волк. Задремал Филатыч, рассудив, что своё чёрное дело лучше будет сделать ближе к утру. Не спала только Рогнеда. Во-первых, она пыталась придумать новые приёмы завлечения Ванюши в брачные сети. Казалось бы: спит с ним в одной палатке, кормит из рук, бельё ему стирает... что ещё надо? Решила: надо милёнку голое тело показать! Случайно, как бы. Ну, купаться пойти и сделать вид, что его не заметила! Во-вторых, её слегка беспокоил живот. Не то, чтобы болел, а так, пучило: макарон переела. Наконец, заснула и она.

В четыре часа утра Филатыч натренированно проснулся. Вымазав спецсоставом веревку, выждал пять минут. Легонько потянул. Веревка распалась, и он с удовольствием пошевелил затекшими кистями. Прислушался: в лагере было тихо, в смысле, все спали. Вот сопит богатырь, Волк рядом издаёт ворчащие звуки, снится, наверное, что-нибудь. В палатке похрапывает Иван... Не слышно только девушку. Ну, тоже никуда не денется!

Пора! Извиваясь по-змеиному, Филатыч совершенно бесшумно отполз к кусту со спрятанным пистолетом. Рубчатая рукоять плотно легла в руку, едва слышно щёлкнул курок. Сделав десяток быстрых шагов, он оказался лицом к лицу (лицом к морде?) с проснувшимся и насторожившимся Волком и выстрелил навскидку. Стрелял византиец хорошо, поэтому попал. Хотя, позвольте спросить, кто бы промахнулся с трёх шагов по такой крупной мишени? Волк рухнул и больше не шевелился: отравы в пульках была мгновенного действия. Минус один! Уже не спеша Филатыч подошёл к палатке и выстрелил дважды: первый раз в выпуклость Ивановой задницы, натянувшей ткань стенки, второй – туда, где должна была лежать Рогнеда. Минус три! Выстрелы были тихие (ну, пневматика малого калибра!) но, тем не менее, Илья проснулся и поднял голову:

– Чего, а?

– Чего, чего... Смерть твоя пришла! – страшным голосом вскричал убийца и выстрелил ему прямо в сердце.

Илья уронил голову и замер.

«Минус четыре!» – удовлетворённо осклабился цереушник и залаял по собачьи, подавая знак Арнольду и Феликсу.

Те возникли из темноты минут через двадцать.

– Так, ты подбрось в костёр дровишек, да побольше, – приказал Филатыч Феликсу, – А ты иди со мной! И дай сюда винтовку!

Он ещё с вечера приметил где лежит волокуша со Змеем Горынычем – шагах в сорока от костра. Из-за вони.

Змей Горыныч спал, закутавшись в собственные крылья. Филатыч осторожно потыкал его дулом винтовки:

– Эй, ты! Проснись, а?

Тот приоткрыл левый глаз и выпустил струйку пламени. Арнольд испуганно отпрянул. А Филатыч сдержался и не отпрянул, хотя тоже испытал страх.

– Это ещё что за... Кто такие? – просипел Замей, опасливо косясь на винтовку.

– Да мы, это... Мимо шли, – уклончиво ответил Филатыч, не желая до поры, до времени раскрывать свою сущность.

– Ну, и идите... мимо!

Арнольд не выдержал скопившейся в нем напряженности и визгливо крикнул:

– Яйца где?

Филатыч поморщился: резкий тон грозил нарушить только-только установленный контакт! Но, с другой стороны, может, так и надо, в лоб и напрямик?

– Яйца? – переспросил Замей недоуменно, – Яйца при мне...

– Когда откладывать собираешься? Ну, нестись? – напирал Арнольд, почувствовав молчаливое одобрения шефа.

Замей встал и индифферентно пыхнул дымом:

– Какое ещё «нестись»? Я вам что, яйцекладущий?

– А разве нет? – быстро спросил Филатыч, чуя удачу в смысле получения важной информации.

Замей принял позу, исполненную изящества и достоинства, и заявил:

– Я – рептилоид!

Тут следствие маленько зашло в тупик, ибо слово было неизвестное. После многоминутного раздумья Феликс сочинил и задал ключевой вопрос:

– А как ты размножаешься?

– Также, как и вы! – гордо ответил Замей, – Грянусь оземь, превращусь в человека, да красну девицу и соблазню!

Вот оно что! Филатычу стала понятна сказка старухи Михайловны: никакого сообщника-человека у Змея Горыныча не было, это он сам в человеческом образе с Ксенией, то-есть, с Клавдией шалил-окаянствовал! А из детей, выходит, новые рептилоиды вырастают! Стоп! А почему их тогда так мало?

– А почему вас так мало? В старые времена, говорят, много было...

Замей сел в позу Сфинкса и понурился:

– Лет восемьсот назад маги собрались на... консилиум и на нас заклятье наложили. Подлое и хитроизощрённое! Либи́до наше чуть не в ноль свели.

– Либи́до, это что? – громким шепотом спросил у Филатыча Арнольд.

Тот тоже не знал, но виду не подал. Криво улыбнувшись, он предложил:

– Ты, рептилоид, не умничай, а пальцем покажи! Мы, знаешь ли, лицеев не кончали.

– Ну, это... Раньше, ведь, как? Понравилась красна девица, кровь заиграла, прилила в орган размножения – и всё, можно приступать к прокреативному акту. Хоть каждую неделю! А с тех пор, как заклятье наложили, то... – Замей всхлипнул и утёр слезу крылом.

– Что, совсем вставать перестал? – потрясенно охнул Филатыч.

– Ага... Хорошо, если раз в сто лет... а то и ни разу!

Замей снова отёр слезу и высморкался:

– Вымираем, короче! Нас, может, всего трое или четверо осталось...

Арнольд, вибрируя от любопытства, посунулся вперед:

– А скажи-ка, какая у вас продолжительность жизни?

Замей уже совладал с собой.

– Лет сто двадцать – сто тридцать. Мне, например, сороковой год пошел.

– И ты ни разу не...?

Ответом было молчание.

Филатыч торопливо вспоминал, что ещё важного нужно выпросить. О!

– Скажи-ка, любезный... В сказках Змей Горыныч трёхголовый! А ты – нет!

Рептилоид шумно выдохнул дым и развёл передними лапами:

– Да, был такой лет тыщу назад. Мутант. Пьяница и беспредельщик. Никаких понятий не признавал, потому и прославился больше всех остальных. Его один купец хитростью одолел...

– Что за хитрость? – жадно спросил Филатыч.

– Ну, вёз купчина на базар бочку зелена вина, а из кустов – мутант: «Что везёшь?». Тот и отвечает: зелено вино, Чудо-Юдо! Наш ему: «Может, выпьем?». Делать нечего, откупорил купец бочку. Пили они, пили, по ходу песни орать принялись, всё вроде пучком идёт, а рептилоид вдруг и заявляет: «Вино твоё – не вино вовсе, а поросячья моча! Цельную бочку выпили, а ни фи́га не вставляет!». Купец обиделся и за топор схватился...

– И, что? – азартно подался вперёд Арнольд.

– Что, что... Главную башку напрочь отчекрыжил!

Филатыч передёрнулся.

– Ну, и какая тут хитрость? Бытовуха! Пьяная поножовщина!

Замей угрюмо промолчал.

– А ты сам-то пьёшь? – жадно поинтересовался Арнольд.

– Так... по праздникам.

Спрашивать, по каким праздникам Замей пьёт, Филатыч постеснялся.

Подошел Феликс и уставился сказочное животное со страхом, восхищением и отвращением.

– Что делать будем, шеф?

Филатыч грустно вздохнул. Взять рептилоида с собой было невозможно. Яйца тоже не добыли за отсутствием таковых... Что ж, придётся возвращаться в Константинополь и докладывать маршалу то, что удалось выяснить. Лично доложить, а как же! Тогда ни награда, ни повышение в чине, ни путёвка в санаторий не зависнет! Ведь русские тоже не смогут Змея Горыныча размножить, а значит, угрозы для империи нет.

– В две шеренги становись!

Арнольд и Феликс построились и без приказа замерли по стойке «смирно».

– Уходим! – скомандовал командир.

– Скатертью дорога! – проворчал Замей.

Византийцы скрылись в предутреннем сумраке, чавкая сапогами и бормоча невнятные междометия. Когда эти звуки затихли, на полянку выскочила Рогнеда.

Дело в том, что незадолго до того, как Филатыч принялся отползать за пистолетом, она покинула палатку, ибо стало невмоготу: живот распёрло, как барабан. Нельзя же выпускать газы в замкнутом пространстве, где Ваня спит! Девушка видела и слышала всё: и убийство Волка, Вани и Ильи, и допрос Замея Горюныча. Вот страху-то натерпелась! Ведь, её тоже застрелили бы, кабы нашли!

Рогнеда кинулась в палатку, отчаянно надеясь, что Ванюша ещё жив. Вражеская пуля не только не убила, но даже не разбудила его! От прикосновений председателевой дочери он зашевелился и недовольно промычал:

– Ты чего тут?

– Стреляли! – зарыдала Рогнеда (от облегчения, что Ваня живой!), – Этот, Мihuилус! И в Волка попал, и в Илюшу! И в вас! И в меня хотел стрелкнуть, да я убежала!

– Не, в нас стреляли – не попали... – пробормотал Иван, почесывая свербящую задницу, – Странно...

– Да что же странного, Ванечка... Иван Иванович? На вас же обереги от пуль и огня!

Иван вытащил висящие на цепочке обереги и личный жетон.

– Спасибо, отцы-командиры!

Встряхнулся и вылез из палатки:

– Пойдём, посмотрим!

При виде мёртвого Ильи Рогнеда опять всхлипнула, а при виде Волка – нет. Хоть и боевой товарищ, а всё-таки не человек.

Иван быстро определил, что Илье пулька попала прямо в сердце, а Волку – непонятно, куда.

– Калибр 4,5 миллиметра... Из такого не убьёшь! Стало быть, отравой смазанные, пульки-то! – заключил он, – Рогнежка! Принеси-ка мой ранец!

Достав из ранца аптечку, а из аптечки – Живую Воду, он долго читал инструкцию по применению. Вот, что там было написано:

«Живая Вода. Вес нетто 2 кг. Вес брутто 2,25 кг.

Показания к применению: насильственная смерть.

Дозировка: в случае клинической смерти воскрешаемого необходимо влить в рот пострадавшему 0,008г Живой Воды на килограмм веса дробными порциями, лучше капельно. В случае биологической смерти (не позднее суток), вливание той же дозы производить клизмой, медленно, в течение пятнадцати – двадцати минут.

Внимание! Передозировка чревата гипертонией, токсическим гепатитом, нефритом, остеохондрозом, пролапсом прямой кишки, кариесом, снижением слуха вплоть до полной глухоты, а также плоскостопием. Введение же недостаточной дозы приводит к общей слабости, гипотонии, энурезу и страбизму. В некоторых случаях (до 20%) возможно слабоумие.

Побочные эффекты: отсутствуют»

К флакону прилагались капельница и наконечник для клизмирования.

Обилие непонятных медицинских терминов смутило Ивана. Как бы не навредить! Опять же, как дозу рассчитать? Сколько весит Илья и сколько Волк?

– Рогнежка! Ты сколько вешишь?

– Семьдесят... – неуверенно ответила девушка, убавив килограммов пять.

Иван глянул на неё попристальнее и не поверил.

– М-да-а, придётся весы соорудать.

Из небольшого дубка он вытесал коромысло и соорудил две чашки (вернее, плоские площадки). Положив на одну чашу бутыл с Живой Водой, принялся лепить из грязи кирпичики, соответствующие по весу. Один, другой, третий... пятидесятый, стопятидесятый... Рогнеда активно помогала.

– Уф-ф... вроде, достаточно, – перевёл дух Иван, – Давай, я тебя взвешу?

– Не, я стесняюсь.

Первым взвесили Волка. Оказалось – 76 кг. Иван долго сопел с карандашом и бумагой, высчитывая дозу.

– Шестьсот восемь граммов! – объявил он торжествующе, заряжая капельницу.

– А смерть у них клиническая или биологическая? – простодушно спросила Рогнеда.

Иван глубоко задумался. Клиническая смерть... Может, от слова «клин»? То-есть, от оружия? Ну, типа, клин вбили... Топор, кстати, тоже клин! И пуля клиновидной формы! Или конусовидной? А товарищи умерли от отравы! Стало быть, от биологических причин, потому как отравы в организме нарушает биохимические процессы! Значит, смерть у них биологическая!

Не без труда присоединив к капельнице наконечник, он осторожно вставил его Волку в задний проход и повесил капельницу на сук. Отрегулировал скорость капли. Оставалось только ждать. Через пятнадцать минут из раны (на шее оказалась рана!) сама собой вылезла пулька. Через двадцать девять минут Волк открыл глаза, чихнул и потянулся.

– Ура!!! Сработало! – хором вскричали Иван с Рогнедой.

Волк недоуменно покрутил головой:

– А что случилось-то?

– Да как же! – всплеснула руками Рогнеда, – Убили вас, товарищ Серый!

– Во, а я и не помню!

Он строго нахмурился:

– Кого ещё убили?

Иван вздохнул и показал на труп Ильи.

– И меня пытались, да оберег спас.

– Живая Вода осталась?

– Осталась. Сейчас его взвешивать будем, чтоб дозу рассчитать.

С Ильи сняли всё, даже трусы, хотя Рогнеда и стеснялась. Ей было предложено зажмуриться, но она вообще отвернулась. Приступили к взвешиванию. Илья оказался довольно лёгким для богатыря: 180 кг. Иван рассчитал дозу.

– Блин! Самую малость не хватает! Надо 1440 граммов, а у нас только 1192...

– Вливай, сколько есть! – предложил Волк.

– Нельзя, в инструкции написано, что от этого может слабость сделаться, энурез и страбизм. Эх, знать бы, что это такое! А то и слабоумие.

Волк хмыкнул:

– Страбизм – это косоглазие, а энурез – ночное недержание мочи. Ну, писает в постель человек.

– Да, за такое нам Илюша спасибо не скажет, – почесал в затылке Иван, – И слабоумие...

«Сила есть – ума не надо» – подумал Волк, кинув взгляд на могучее тело богатыря, а вслух сказал:

– Так что, не рискнём? А если завтра?

Иван заглянул на вторую страницу инструкции и прочёл:

– В случае оживления на вторые сутки доза Живой Воды увеличивается в 1,3 раза. Стало быть, завтра ещё больше понадобится... Тащить его в деревню мёртвого?

– Зачем? – возразил Волк, – Лучше я сбегаяю! Тут, если напрямик, до Широкой Здеси два дня. Посмотри, через четыре дня оживление возможно?

В инструкции было написано, что да, вплоть до десяти дней, но после трёх суток у воскрешаемого могут вылезти побочные эффекты: общая слабость, гиперплазия селезёнки, остеопороз, экзема, а также психические расстройства.

– Значит, придётся уложиться в трое суток, – заключил Волк, – Когда нас убили-то?

– В 4.15 утра, – глянул на часы Иван, – А сейчас уже 14. 40.

Пока он произносил цифры, Волк уже исчез.

Глава седьмая

Илью завернули в одеяло, обложив предварительно крапивой и лопухами от насекомых, хотя это не имело значения для воскрешения. Оставалось ждать возвращения товарища Серого с баклагой Живой Воды.

Рогнеда тихонько радовалась: почти три дня она будет с Ваней наедине (Осколок не в счёт, Замей тоже)! Она попыталась завести разговор на всякие культурные темы, типа обсуждения кинофильмов, но Иван же угрюмо молчал, не обращая на девушку никакого внимания. Ему было не до неё, он думал, как жить дальше. Сможет ли Илья и дальше переть волокушу? Вдруг Волк опоздает и у богатыря сделается слабость вместо силы? Тогда не останется другого выхода, кроме вызова подмоги. Пусть Ковёр-Самолёт присылают! Значит, придётся возвращаться в деревню и всё объяснять участковому, чтобы разрешил воспользоваться служебным Серебряным Блюдечком. Этот вариант не был предусмотрен, но куда же деваться? Иван попытался представить себе последствия нарушения конспирации. Да, собственно, он её и не нарушит! Просто придёт к участковому, покажет удостоверение сотрудника КГБ (выдали в канцелярии вместе с остальными документами) и вежливо попросит воспользоваться Серебряным Блюдечком! Вот и всё! Эх, кабы Серебряное Блюдечко было карманного размера, чтоб с собой носить!

(Ну, это он загнул! В 1964 году даже в нашем мире мобильных телефонов ещё не было!)

Иван повеселел и огляделся: погода была прекрасная, необычно тёплая для начала мая.

Исккупаться, что ли? Порывшись в ранце, нашел мыло. Надо, надо умыться по утрам и вечерам! Хотел сказать Рогнеде, что отойдет на минутку, но её нигде не было. Прихватив чистое бельё, пошел на берег, ища окошко чистой воды. И вдруг увидел Рогнеду! Она, совершенно обнажённая, стояла почти по пояс в озере спиной к нему и намыливала свои роскошные волосы. У Ивана всё оборвалось внутри! Он застеснялся, но взгляда не отвёл, ибо никогда в свои двадцать с небольшим лет не видел голую мокрую намыленную девушку! Нет, конечно, в Ленинграде у него за время учёбы были подруги (две! Не одновременно, конечно). С одной он три раза ходил в кино и два раза в Артиллерийский Музей, а с другой даже обнимался и целовался, раздев (выше пояса) после продолжительной борьбы, так что новичком в женском вопросе он не был. Но блестящая в лучах весеннего солнца сливочно-белая кожа, туго натянутая на крепкое тело, выпуклости и впадины, особенно лукаво выглядывающая из воды ложбинка между ягодиц (очень круглых и крупных) – всё это явилось для него совершенно новым откровением! Прямо, смотрел бы и смотрел!

Рогнеда, тем временем, закончила взбивать пену на волосах и грациозно нырнула, продемонстрировав длинные стройные ноги. Иван перевёл дух, но, через мгновение, у него снова в зобу дыханье спёрло, ибо девушка вынырнула и встала боком к наблюдателю, явив, таким образом, грудь. Грудь была великолепна! В меру большая (третий номер), высокая, стоячая, с задорно приподнятыми коронами больших розовых сосков! Не в силах сдержать вожделения, Иван застонал. Рогнеда обернулась и мигом присела по самое горло.

– Иван Иванович! Нехорошо за красной девицей подглядывать! – воскликнула она укоризненно, но глаза её при этом смеялись.

– Да я... это... случайно... – принялся неуклюже оправдываться виновник девичьего смущения в кавычках, – Сам хотел помыться, а тут ты... Хоть бы сказала, что купаться идёшь, я бы тогда...

– Что, ещё удобнее местечко бы нашли?

Иван покраснел и, махнув рукой, удалился.

Рогнеда была чрезвычайно довольна собой! Дело в том, что, едва увидев, как Ваня вытащил из ранца мыло и шарит там в поисках чистого белья, она, также схватив мыло, в три

прыжка оказалась на берегу и, сорвав одежду, бросилась в воду. Вот он, её шанс! Сейчас Ванюша увидит, какова его соседка по палатке во всех подробностях! Ну, почти во всех. Переднее место решила из скромности пока не показывать, а то потом неинтересно будет.

Закончив купанье, вернулась к костру.

– Время к вечеру, Иван Иванович, давайте, я ужин сготовлю?

– Да у нас, кроме макарон, ничего нет.

– Ну, хоть макарон поедим. Замей Горюнич, макароны будете?

Тот подтвердил, что да.

Макароны сварились быстро. Поднеся ложку ко рту, Иван возмечтал:

– Эх, соусу бы к ним! – и представил, как макароны покрываются густой красной массой со вкусом помидоров и чёрного перца.

– Сканирую... – весело отозвался Осколок.

Тут же на поляну шмякнулась здоровенная жестяная банка с надписью по иностранному:

«Ketchup „Maints“. Spicy and delicious, thick and rich. 1 gallon. Manufactured by Maints Co, 1256 Broadway, New York, NY, USA». Надпись перевести никто не смог. Автор засел за словари и вот что получилось:

«Кетчуп „Майнц“. Пряный и деликатесный, толстый и богатый. 1 галлон. Произведен компанией Майнц, 1256 Бродвэй, Нью Йорк, США» – перевод с американского.

– Вот это да! – изумился Иван, открывая банку и окуная туда палец, – Вкуснятина! Откуда дровишки, Осколок? У нас в торговой сети такое не водится!

– Это я в столовой ЦРУ нащупал, в Константинополе, – хихикнул Осколок, – Платить не придётся!

– Да? А дипломатический скандал?

Вопрос был риторический: кто будет скандалить из-за пропавшей банки томатного соуса? А, с другой стороны, любой урон врагу – нам во благо! Трофей, можно сказать! Надо же, какой вкусный помидорный соус византийцы лопают!

С кетчупом макароны пошли на «Ура». Иван даже попросил добавки! Только Замей жевал деликатес равнодушно.

С наступлением темноты Иван нарубил лапника и улёгся в двадцати шагах от палатки, не доверяя самому себе в смысле Рогнеды, так как её обнажённое тело постоянно и настырно вставало перед глазами, не давая сосредоточиться ни на чём другом. Рогнеда была этим побегом разочарована до чрезвычайности. Она ожидала, что после сегодняшней массажной атаки крепость Ваниной скромности, наконец, падёт, и он перейдёт к активной фазе ухода. Грустно вздохнув, она залезла в палатку, показавшуюся из-за отсутствия Вани мрачным склепом. Осколок пожалел девушку, чья голова так приятно согревала его. Попытался внушить ей позитивные мысли, чтобы приснился приятный сон. К сожалению, его телепатические способности оказались явно недостаточными: удалось только успокоить красавицу. А мыслей внушить не удалось...

Волк бежал неутомимой рысью до самой темноты, стараясь держаться сухих участков. На одном из островков повезло – удалось поймать утку. Поспав четыре часа, он снова двинулся в путь. В Широкую Здею он вбежал около одиннадцати часов утра и сразу же направился к участковому. Тот был в своём кабинете, поливал цветы.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

Ластиниди оглянулся, вздрогнул и выронил чайник. Он слышал про говорящих волков, но видеть не привелось.

Опережая вопросы, Волк представился:

– Старшина КГБ Серый Волк. Вот, посмотрите, удостоверение на ошейнике.

Лейтенант, уже совладавший с собой, не поленился наклониться и осмотреть ошейник, на котором была приклёпана бляха с номером и буквами «КГБ».

– Чем могу служить, товарищ Серый?

– Перво-наперво, мне Живая Вода нужна. Только быстро, тороплюсь я очень.

Участковый кивнул и вынул из сейфа бутыль. После недолгой возни закрепил её на спине Волка. Тот, поблагодарив, собрался было уходить, но задержался, вспомнив важное:

– Несколько дней назад в деревне чужие не появлялись ли? Старший у них такой Кеовин, Иван Филатыч, из Ленинграда.

– Были такие, – подтвердил лейтенант, – Дачу сняли, потом на болота ушли. Сказали, что они эти... как их, блин... анто... енто... ну, насчёт жуков и всяких козявок, для науки. А что?

– Если эти гады снова появятся, арестуйте их! Они вообще даже византийские шпионы!

– Не может быть! – изумился участковый, – Я сам паспорта видел! Настоящие паспорта!

– Может-может! И имейте в виду, что они вооружены пистолетами с отравленными пулями! Кстати, пожрать что-нибудь есть? А то мне сутки назад бежать.

– Колбаска полтавская, полукопчёная, – растерянно ответил Ластиниди, ломая голову, как в одиночку задержать троих вооруженных шпионов.

– Годится!

Быстро сожрав колечко колбасы прямо с кожурой, Волк исчез.

Участковый, в задумчивости побарабанив пальцами по столешнице, придвинул стул к Серебряному Блюдечку и вызвал по спецканалу начальство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.